

**ЖИВАЯ
МЫСЛЬ**

№ 28

Февраль 2015

ISSN 1925-9883

ПРАЗДНОВАНИЕ МАСЛЕНИЦЫ И ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Программа включает концерт
пианиста-виртуоза Олега Самохина

S. Rachmaninoff

Études-tableaux, op. 39

No. 2 in A Minor

No. 5 in E-Flat Minor

No. 6 in A Minor

Preludes

1. Op.3 Prelude in C-sharp minor

2. Op. 23 Prelude No. 1 in F-sharp minor (Largo)

3. Op. 23 Prelude No. 2 in B-flat major (Maestoso)

4. Op. 23 Prelude No. 3 in D minor (Tempo di minuetto)

5. Op. 23 Prelude No. 4 in D major (Andante cantabile)

6. Op. 23 Prelude No. 5 in G minor (Alla marcia)

7. Op. 23 Prelude No. 6 in E-flat major (Andante)

8. Op. 23 Prelude No. 7 in C minor (Allegro)

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГ АВТОРОВ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЬТАСПЕРА»

- **ВЛАДИМИР НЕСС**
- **ИРИНА КРУЖКОВА**
- **АНТОНИЯ ИЛЬИНСКАЯ**

**МЕРОПРИЯТИЕ СОСТОИТСЯ 21 ФЕВРАЛЯ 2015 г.
В 5 ЧАСОВ ВЕЧЕРА В ЗАЛЕ ЦЕРКВИ СВЯТОГО САВВЫ
ПО АДРЕСУ 203 RIVER STREET Toronto, Ontario M5A3P9**

(на углу River Street и Gerrard Street East)

Major Intersection: Dundas and Bayview

При церкви удобная бесплатная парковка.

<http://saintsavatoronto.wordpress.com>

**ВХОД И УГОЩЕНИЕ БЛИНАМИ БЕСПЛАТНО!
(ПОЖЕРТВОВАНИЯ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ)**

**ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ЗВОНИТЕ ПО БЕСПЛАТНОЙ ЛИНИИ: (888) 533-4323
ИЛИ ПИШИТЕ НА АДРЕС altaspera@gmail.com**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П. Гайденко</i> ТЕОРИИ ОБОСНОВАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ	3
<i>Александр Моисеенков</i> ХРИСТОС УМИРАЕТ НА ОБЕИХ СТОРОНАХ	16
<i>Подготовила Тамара Амелина</i> ЧЕЛОВЕК ВАМ ЗАВИДУЕТ? СДЕЛАЙТЕ ЕМУ КОМПЛИМЕНТ	18
<i>Протоиерей Дмитрий Лескин</i> ЧЕЛОВЕК В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ: НОВАЯ ПАРАДИГМА ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ АКТ?	20
<i>Ольга Гуманова</i> А ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ВЫ ВЛЮБИЛИСЬ?	31

ЗАКАЗ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА

НА САЙТЕ
WWW.ALTASPERA.COM

ISSN 1925-9883

Publisher: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.
Address: 1415 Limberlost Road, Huntsville, Ontario, P1H 2J6

Director and General Editor: Fr. Boris Kriger,
Editor: Artur Arzanov

Tel. (705) 635-3857
Mob. (289) 221-2296

email: altaspera@gmail.com

ТЕОРИИ ОБОСНОВАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

Осмысление темы в европейской традиции XIX–XX вв.

Слова *нравственная природа человека* указывают на то, что человек — не просто природное существо, что он не просто “животное общественное и разумное”, как его в древности определял Аристотель¹. Сказать, что человек по природе своей есть существо нравственное — значит дать определение человека как существа, различающего добро и зло. И в таком случае именно этика становится фундаментальной наукой о человеке, ибо, по справедливому слову Н. О. Лосского, она “есть наука о нравственном добре и зле и об осуществлении его в поведении человека”².

В одной статье невозможно осветить все многообразие подходов к рассмотрению проблем этики в XIX и XX веках. Придется ограничиться лишь некоторыми из них, но при этом так, чтобы увидеть наиболее существенные линии, по которым шло развитие нравственной философии этого периода. Представляется интересным остановиться на той полемике, ко-

торая уже более двух столетий ведется между двумя направлениями в этике; с известной долей условности их можно обозначить как *натуралистическое* и *антинатуралистическое*, или *метафизическое* обоснование нравственности. Первое ищет предпосылки этических принципов в природе, которые не вполне одинаково трактуются у различных представителей натурализма. Второе пытается обосновать *абсолютную этику*, не считая возможным свести нравственное начало к чему бы то ни было другому.

В XIX в. натуралистическая этика представлена в учениях *утилитаризма*, наиболее известными представителями которого являются Иеремия Бентам (1748–1832) и Джон Стюарт Милль (1806–1873), *эволюционизма*, обоснованного в трудах Чарльза Дарвина (1809–1882) и Герберта Спенсера (1820–1903), и *философии жизни*, возникшей в последней четверти века, получившей разные формы у Фридриха Ницше (1844–1900), Вильгельма Дильтея (1833–1911) и Анри Бергсона (1859–1941),

творчество которого в основном приходится уже на XX век. Сюда же с некоторыми оговорками можно отнести и *социоцентристские* концепции этики; наиболее значительными представителями социоцентризма в XIX в. были Огюст Конт (1798–1857), Карл Маркс (1818–1883) и Эмиль Дюркгейм (1858–1917).

Этика утилитаризма опирается на позитивизм, который унаследовал традиции английского эмпиризма с характерным для него психологизмом и неприятием метафизики (Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм). Утилитаристы придерживаются в этике принципа *эвдемонизма*, по которому целью человеческой жизни является обретение счастья, а средством достижения этой цели становится создание такой системы жизни, при которой общая сумма удовольствий превышала бы сумму страданий. Согласно Миллю, добродетель — не цель сама по себе, а лишь средство к достижению счастья. Считая психологию фундаментом философии, а эмпирический опыт — источником всякого знания, Милль не признает никаких надвременных, вечных идей, в том числе и нравственных принципов; последние, по его убеждению, вырастают из опыта и изменяются в ходе истории. Неизменным остается только стремление человека к удовлетворению своих желаний и чувство удовольствия, которым это удовлетворение сопровождается. Задача этики, как ее понимает утилитаризм, состоит в том, чтобы найти условия, при которых можно обеспечить максимальное счастье для наибольшего числа людей. Таким условием является принцип пользы, который позволяет избежать чисто эгоистического понимания счастья: тот, чья деятельность приносит пользу, содействует не только своему, но и общему счастью. Польза, таким образом, служит для утилитаристов объективным критерием нравственности поступка.

Характерное для английской философской традиции индуктивно-психологическое обоснование знания Милль объединяет с “позитивной” наукой

об обществе О. Конта, что придает его этике социоцентрический характер. Утилитаристская этика получила широкое распространение в XIX в. Под влиянием ее Н. Г. Чернышевский формулировал принципы этики “разумного эгоизма”.

В отличие от этических теорий эпохи Просвещения — вплоть до Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, в которых принципы нравственности рассматривались неисторически, в позитивизме Конта и Милля появляется исторический подход к пониманию нравственности: она все чаще анализируется с точки зрения изменений, происходящих в обществе в ходе его развития. Этот подход становится определяющим в *эволюционизме*, в учениях Ч. Дарвина и Г. Спенсера, которые стремятся дать естественнонаучное обоснование натуралистической этики.

Дарвиновская теория естественного отбора, происходящего в органическом мире, когда в борьбе за существование выживают лишь наиболее приспособленные, была истолкована как общий принцип объяснения законов природного мира, включая и человека как одного из представителей животного царства. Так, Герберт Спенсер считал, что этическую теорию надо строить, исходя из эмпирически наблюдаемых законов жизни от одноклеточных организмов до человека. Он ставил перед собой задачу не только установить, какое поведение фактически признавалось хорошим или дурным, но и разрабатывать “рациональную этику”, то есть науку, выводящую нравственность из самих законов жизни. Вслед за Дарвином основной закон жизни Спенсер видел в приспособлении живых существ к условиям среды, благодаря чему достигается не только сохранение индивида и рода, но и полнота жизни, а она-то и есть счастье, то есть максимум удовольствий. Способность к таким образом понятому счастью есть, по Спенсеру, высший критерий совершенства человеческой природы, а содействие счастью — главное требование этики. Пытаясь с помощью эволюционной теории объяснить также и альтруистические мотивы в человеческом

поведении, Спенсер утверждал, что в ходе естественного отбора удалось сохраниться лишь тем индивидам и популяциям, которые в процессе развития стали получать удовольствие от удовлетворения не только чувственных желаний, но и более высоких стремлений — честолюбия, теоретического интереса, желания общего блага и т. д. Таким способом обосновываются моральные принципы, понимаемые как продукт естественного отбора наиболее приспособленных видов. Как и утилитаризм, эволюционизм в этике эвдемонистичен: высшим этическим благом его представители считают максимум удовольствия для наибольшего числа людей. Парадоксальность попыток обосновать высшие нравственные принципы с помощью натуралистических аргументов, особенно тех, что опираются на теорию естественного отбора, отметил В. С. Соловьев с присущим ему остроумием: “Человек произошел от обезьяны, поэтому будем любить человека”³.

К эволюционизму тесно примыкает философское течение, которое мы назвали социоцентризмом. Оно представлено в XIX в. прежде всего О. Контом и К. Марксом, а также Э. Дюркгеймом, чье творчество приходится на конец XIX–XX вв. Хотя ни Конт, ни Маркс не создали специально этической теории, однако их влияние во всех областях духовной жизни было очень сильным, поэтому коснуться их воззрений необходимо для понимания общей картины духовного развития в XIX в. И Конт, и Маркс ставили перед собой задачу “возвысить” историческую науку до уровня естествознания, которое оба они рассматривали как образец строгой научности. В этом сказались их общая позитивистская ориентация в философии и натуралистическая ориентация в трактовке проблем нравственности. Правда, в творчестве Маркса позитивистские мотивы под влиянием Гегеля приобрели несколько иное по сравнению с позитивизмом Конта звучание: диалектика общественного развития, в основе которой у Маркса лежит

гегелевский принцип противоречия, закон борьбы противоположностей, носит не просто драматический, но, если так можно выразиться, кровавый характер.

Пытаясь установить естественный закон истории, Конт принимает его в виде принципа трех стадий, через которые проходит общество в своем развитии: *теологическую*, когда человек объясняет все явления действием сверхприродных сил, *метафизическую*, когда он трактует эмпирический мир сквозь призму общих понятий, позволяющих якобы увидеть умопостижимую основу реальности, и, наконец, *позитивную*, когда с помощью естественных наук он получает возможность адекватного познания мира, который преобразует с помощью техники и промышленности. Познание должно ограничиваться, по Конту, установлением отношения между явлениями; не следует искать никакого абсолютного начала, которое стояло бы за явлениями. Исторический метод Конта приводит его к выводу, что есть только один абсолютный закон: все в мире относительно. Такой релятивизм — не самая прочная база для построения этики. Тем не менее в позитивизме Конта этические принципы еще не утрачивают своего значения; в поздний период творчества Конт в своей “религии Великого Существа” — Человечества находит место даже религиозным чувствам, ставя *законы сердца* выше *законов разума*.

В своей материалистической философии истории Маркс, как и Конт, в качестве субъекта исторического развития, которое носит необходимый характер, подобно процессам природы, рассматривает общество в целом; однако он видит определяющее начало социальной жизни не в развитии знания, как Конт, а в экономических отношениях, составляющих конечные мотивы всякой человеческой деятельности. Именно экономика, по Марксу, составляет материальный базис общества, тогда как право, религия, философия и, конечно, этика представляют собой идеологическую надстройку, отражающую классовые инте-

ресы различных слоев общества. Мораль с этой точки зрения наиболее отчетливо защищает классовые интересы, а потому Маркс, унаследовав от Гегеля критическое отношение к морали, без смущения говорил о том, что мораль — это полицейский, пересаженный внутрь человека. “Маркс, — пишет Б. Вышеславцев, — возвел в принцип ту установку сознания, которая в XIX в. стала всеми молчаливо признаваться <...> Всякий буржуа практически был «экономическим материалистом» и еще продолжает им оставаться. Маркс обличает буржуазию не за то, что она ценит «экономический фундамент» и крепко верит в него, — а за то, что она лицемерит и проповедует «дух» и «духовность» для успокоения души. Довольно ханжества, говорит Маркс, скажем то, что все давно думали: все построено на экономическом фундаменте, на удовлетворении потребностей и на интересах...”⁴.

Однако и случай с Марксом, как и с другими имморалистами, свидетельствует о невозможности уничтожить нравственное начало, составляющее природу человеческого существа: теоретически не признавая значимости морали, Маркс то и дело морализует, разоблачая эксплуатацию и обличая своих политических противников: поистине “морализующий имморализм”, как назвал это противоречие марксовой позиции Вышеславцев.

Рассмотрим теперь последний из вариантов натурализма в этике XIX в. — трактовку нравственности в философии жизни. Философия жизни — это направление, рассматривающее все сущее как форму проявления жизни — изначальной реальности, не тождественной ни духу, ни материи и постигаемой с помощью непосредственного переживания — интуиции. Наиболее влиятельные представители философии жизни — Фр. Ницше, В. Дильтей и А. Бергсон. Их творчество во многом определило характер философии последней четверти XIX века и XX века. (основные сочинения Бергсона вышли уже в XX в.), особенно таких ее направлений, как

экзистенциализм, персонализм, неогегельянство; немалое влияние философия жизни оказала и на русскую религиозную философию XX века.

Как и немецкий романтизм конца XVIII – начала XIX вв., к которому тяготеет философия жизни, названные мыслители отталкиваются от механистически-рассудочного мировоззрения, характерного для позитивизма, стремясь к “единению с природой”, к пантеистически окрашенному слиянию с ее космическим ритмом. В этом смысле русский космизм имеет немало точек соприкосновения с философией жизни.

Многозначное понятие “жизни” берется здесь прежде всего в его биологически-натуралистическом смысле как бытие живого организма; как естественное — в противоположность искусственному, сконструированному; как целое — в противоположность конгломерату механических частей. Как натуралистический биологизм можно охарактеризовать воззрения Ницше, формировавшиеся первоначально под влиянием А. Шопенгауэра, чье понятие воли весьма близко к понятию жизни. В работе молодого Ницше “Рождение трагедии из духа музыки”, очаровавшей несколько поколений поэтов и философов, дионисийское начало, то есть в сущности “воля” Шопенгауэра, противопоставляется аполлоновскому, то есть миру представления. Позднее Ницше испытал сильное влияние дарвинизма и позитивизма и в свете своих новых идей переосмыслил Шопенгауэра, перевернув его “ценностную шкалу”, что коснулось прежде всего принципов этики. Этика Шопенгауэра, как и его философия, носит глубоко пессимистический характер. В ее основе лежит чувство сострадания, которое для Шопенгауэра есть высшая добродетель. Основным человеческим пороком Шопенгауэр считает эгоизм, порожденный началом индивидуации и питаемый никогда не могущим быть удовлетворенным стремлением воли к получению удовольствий. Только отказ от влечений может, по Шопенгауэру, освободить чело-

века от страданий вечно неудовлетворенной воли.

Ницше совершил “переоценку ценностей”: не отказ от воли, то есть от жизни как таковой, не стремление к вечному — сверхвременному, потустороннему — бытию, а радостное утверждение жизни со всеми ее страстями, которая есть единственная реальность, поскольку никакого потустороннего начала не существует, — вот к чему зовет Ницше, возвращаясь к эдемизму в этике. В морали сострадания он видит проявление рабской психологии, общей, по его убеждению, у Шопенгауэра с христианством. Христианскую этику насилия и любви к ближнему Ницше считает плодом рессантимента — мстительно-го чувства слабых и низких к сильным и благородным, носителям воли к жизни в ее высшей форме — воле к власти. Основные принципы Ницше, в последний период жизни претендовавшего на роль реформатора морали, — романтика силы, воинствующий атеизм и война против христианства, утверждение безграничного индивидуализма и относительности всех ценностей — как теоретических (истина), так и этических (добро). Абсолютной ценностью для Ницше является лишь сверхчеловек, освободившийся от рабской морали, и его воля к самоутверждению.

Как видим, натуралистическое направление в этике представлено очень разными концепциями: ницшеанское требование преодоления морали имеет мало общего с утилитаризмом, искавшим “наибольшего счастья для наибольшего числа людей”. Их роднит лишь убеждение, что не существует абсолютной этики, имеющей свои корни в сверхчувственном, сверхвременном бытии. Но если в утилитаризме и эволюционизме природное начало рассматривалось как основа нравственных норм, которые сохраняли свою значимость, то у Ницше природа в сущности поставлена на место нравственности, природные инстинкты — на место этических требований. Такую точку зрения правомерно назвать аморализмом. Именно аморализм выражается в

требовании Ницше встать по ту сторону добра и зла.

Романтически-аристократический индивидуализм с его культом героя, увиденный сквозь призму биологии и, в частности, дарвинизма, на пороге XX века санкционировал безграничный производ свержчеловека.

Тут, однако, может возникнуть вопрос: почему же тем не менее учение Ницше оказало сильное влияние на европейскую культуру конца XIX – начала XX веков? И не только на философию, но и на поэзию, на литературу в самом широком смысле слова?

Во-первых, заметим, что сочинение Ницше “Так говорил Заратустра”, получившее наибольший резонанс в мировой литературе, — не философский трактат, а поэма, автор которой выступает в роли пророка новой религии — культа природы. Как мастер слова Ницше необычайно талантлив. Насколько скудна его собственно философская аргументация, настолько же богат и прекрасен язык его лучших сочинений, с трудом поддающийся адекватному переводу. Если добавить, что Ницше еще и глубокий психолог, которого в этом отношении можно сравнить разве что с его современником Достоевским, то можно понять источник огромной суггестивной силы его произведений. И во-вторых: не забудем, что своей кульминации влияние Ницше достигло в первой трети XX века, как раз в тот период, когда и в Европе, и в России сложилось массовое общество. А в массовом обществе на первый план выходит именно эмоциональное воздействие — и тут Ницше имеет мало равных. О философской же стороне его творчества судить могут сравнительно немногие.

Подводя итог рассмотрению натуралистической этики, мы можем сказать, что ее представители не могут дать обоснования объективности нравственных норм и тем самым разрешить вопрос, в чем же состоит сущность нравственности.

Натурализм не утратил свое влияние и в нашем столетии. Скорее напротив: пози-

ции натурализма в этике нашего века, пожалуй, более сильны, чем в XIX столетии. Такие влиятельные философские направления, как неопозитивизм, прагматизм, марксизм, фрейдизм и неопрейдизм, различные варианты социоцентризма и этноцентризма, развивающего принципы эволюционизма и философии жизни, — все они защищают различные варианты натуралистической этики.

В формировании массового сознания особенно большую роль играли и играют марксизм, ницшеанство и фрейдизм. При всем различии теоретических предпосылок этих философских направлений они защищают в этике принципы натурализма и видят в морали идеологическое образование, содержание которого определяется либо классовыми интересами (Маркс), либо биологически-психологическими мотивами (Ницше, Фрейд). В основе этих мотивов лежит или воля к самоутверждению (в прямой форме или в виде рессантимента как самоутверждения слабых и низких), или вытесненная сексуальность. Во всех трех случаях мы видим “игру на понижение”, отрицание объективного значения нравственных ценностей и норм. Мне думается, что кровавая история нашего века, века революций, мировых и гражданских войн, принесших гекатомбы человеческих жертв, в немалой степени определялась этическим нигилизмом этих учений.

Окончание. Начало см. № 4(22) за 1999 г.

Осмысление темы в европейской традиции XIX–XX вв.

Второе направление в нравственной философии XIX века — *антинатурализм*. Его представители стремятся создать *абсолютную этику*, принципы которой не могут быть ни выведены из чего-либо другого, ни сведены к другой реальности. Нравственное начало выступает здесь как самоценное, как цель сама по себе, а человек рассматривается как существо, нравственное по своей природе. Если натуралистическая этика по своему характеру эвдемонистична, то абсолютная этика может быть

названа *перфекционистской* (*perfectio* ‘совершенство’ — *лат.*), поскольку она ориентирована не на достижение счастья, а на нравственное совершенство человека.

Для антинатуралистической этики характерна критика психологизма и отстаивание внеэмпирического характера и надвременного значения нравственных законов.

Высшую оценку нравственного начала в человеке дал Иммануил Кант (1724–1804). В. С. Соловьев, далеко не во всем соглашаясь с Кантом, тем не менее назвал его “Лавуазье нравственной философии”⁵. Влияние Канта на этическую мысль XIX и XX вв. трудно переоценить, хотя его учение неоднократно подвергалось критике. “Нигде в мире, да и нигде вне его, — пишет Кант, — невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только доброй воли <...> Добрая воля добра не благодаря тому, что она приводит в действие или исполняет; она добра не в силу своей пригодности к достижению какой-нибудь поставленной цели, а только благодаря воле, то есть сама по себе”⁶. Даже если бы добрая воля в силу внешних обстоятельств не могла достигнуть своей цели, “все же она сверкала бы подобно драгоценному камню сама по себе как нечто такое, что имеет в самом себе полную ценность. Полезность или бесполезность не могут ни прибавить ничего к этой ценности, ни отнять от нее”⁷.

Нравственность, таким образом, имеет абсолютный характер, и лишь поскольку человек в своих действиях руководствуется доброй волей, а не природными влечениями (всегда, по Канту, эгоистически партикулярными), он получает свое высокое достоинство. Добродетель, по Канту, есть не средство для достижения счастья, как считают представители натуралистической этики, а самоцель; достижение счастья лежит за пределами сферы нравственности. Кант убежден, что эти два мотива человеческих поступков — жажда счастья и стремление действовать в согласии с за-

конами нравственности — исключают друг друга, и потому глубоко нравственный человек, как правило, не бывает счастлив. Кантовская этика здесь последовательно ригористична⁸.

Философской предпосылкой абсолютной этики Канта является его учение о принципиальной разделенности двух миров — природного, эмпирического и сверхприродного, умопостигаемого. Человек — жилец двух миров: он принадлежит к первому как существо чувственное, индивидуальный субъект чувственных потребностей и желаний. К умопостигаемому миру он принадлежит как существо сверхчувственное, то есть свободное: свободу Кант понимает как независимость от определяющих причин чувственно воспринимаемого мира, то есть от природы с ее законами необходимости. Только разумные существа, по Канту, наделены способностью действовать не только по законам природы, но и по законам должностования, то есть в соответствии с представлением о цели, которая носит всеобщий характер (разум, по Канту, это способность всеобщего) и потому значима для всех разумных существ. Свободную волю человека, руководствующуюся всеобщими целями, постижимыми только для разума, Кант называет *практическим разумом*. Понятие цели он определяет как “причинность из свободы”: если в природном мире всякое явление обусловлено предшествующим как своей причиной, то в мире умопостигаемом человек может самостоятельно начинать причинно-следственный ряд, исходя из понятия разума, из его цели, не будучи детерминирован природной необходимостью.

В этой возможности определяться не внешними причинами — будь то естественная необходимость или даже Божественная воля, — а только внутренним законом разума, то есть нравственным требованием, состоит *автономия* воли, ее *самозаконность*. Принцип автономии воли — важное основоположение кантовской этики, вызывавшее много возражений у

критиков Канта, возражений, часто не лишенных основания. Однако самозаконность воли не есть у Канта индивидуальный произвол, ибо, как мы уже знаем, законы разума имеют всеобщий характер. Вот верховный закон мира нравственного, то есть царства разумных существ как вещей в себе: всякое разумное существо есть цель сама по себе, к нему недозволительно относиться как только к средству для чего-то другого. Кант формулирует этот закон в виде нравственного требования — категорического императива: “Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства”⁹. Это значит: поступай так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе, не превращай другого человека только в средство для реализации твоих эгоистических целей. Такое требование исключает эгоистическое своеволие индивида и вполне согласно с принципами христианской этики.

Кант стремился сохранить основное содержание христианской этики, но при этом освободиться от ее религиозных предпосылок — от учения о Боге и бессмертии души. Правда, полностью освободиться от этих предпосылок Канту не удалось: он должен был сохранить их в качестве постулатов практического разума, которые необходимо допустить как *постулаты веры*, никогда не могущие быть доказанными, но и не могущие быть отброшенными; однако, по мнению Канта, именно этика является основой религии, а не наоборот. Тут проходит водораздел между автономной этикой Канта и его последователей и теонимной этикой, о которой речь пойдет ниже.

Из принципов абсолютной этики Канта исходит также И. Г. Фихте, который не только признает примат практического разума над теоретическим, но и видит в нравственности предпосылку онтологии в целом. Фихте снимает не переходимую для Канта грань между чувственным и умопостигаемым мирами, превращая таким образом этические принципы в универсаль-

ные законы бытия. Природные законы в конечном счете объясняются Фихте из законов долженствования, то есть из свободы, и кантовский принцип автономии воли, согласно которому она должна следовать тому закону, который сама себе дает, определяет содержание трансцендентальной философии Фихте, особенно в первый период его творчества. В глубине человеческого Я Фихте открывает Абсолютное, божественное Я; таким образом Бог теряет свой трансцендентный характер, он осуществляет себя в истории, которая есть процесс нравственного совершенствования человечества. Внешняя природа, как и природное начало в человеке, выступает у Фихте лишь как средство для нравственного совершенствования; постоянно преодолевая природное начало в себе, то есть все эгоистически-индивидуальное, чувственное, человек стремится к идеалу — к полному растворению своего эмпирического Я с его своекорыстием и эгоизмом во всеобщей форме разума как высшего нравственного начала.

Разведение бытия и долженствования, характерное для Канта и Фихте, послужило предпосылкой создания *теории ценностей*, которая разрабатывалась в этических учениях не только XIX, но и XX вв. Первым, кто ввел в философию сам термин “ценности”, был немецкий философ Рудольф Герман Лотце (1817–1881), чье учение сформировалось под влиянием Лейбница и немецкого идеализма, особенно Канта и Фихте. Философию Лотце можно охарактеризовать как телеологический, или этически-религиозный идеализм. Убежденный в том, что благо есть основа бытия, Лотце видит в этике фундамент и метафизику, и логику. Сущность каждой единичной реальности (монады, или сверхпространственного атома) состоит, согласно Лотце, в живом отношении со всеми другими реальностями; мир, таким образом, есть единая целесообразно организованная связь монад, стремящихся в своих действиях к общей цели — достижению абсолютного блага. Критикуя нату-

ралистическую этику, Лотце выступает как антипсихологист: он различает психические акты как протекающие во времени и эмпирически обусловленные явления и временное, сверхэмпирическое содержание этих актов, названное им “ценностями” (Gelten ‘значимостями’). Ценности — теоретические, практические (этические) и логические — обладают безусловной значимостью для человека, который, по Лотце, есть микрокосм, стремящийся к совершенствованию и совместно с другими людьми участвующий в реализации ценностей и тем самым в создании идеального мира культуры и нравственности. Условием осуществления этой цели является Бог как основа мира и верховная Личность. С помощью теории ценностей Лотце стремится преодолеть релятивистские тенденции в нравственной философии (так же, впрочем, как и в философии теоретической), связанные с широким распространением натурализма и позитивизма.

Дальше теорию ценностей развил ученик Лотце, Вильгельм Виндельбанд (1848–1915). С его точки зрения, релятивизм — это смерть философии, последняя может существовать лишь на основе признания общезначимых ценностей. Виндельбанд рассматривает ценности как нормы, которые образуют все функции культуры и в особенности нравственной жизни человека. Синтезируя кантовскую этику с учением о значимости Лотце, Виндельбанд переводит проблему ценностей на язык философии культуры: в качестве ценностей у него выступают истина, добро и красота, а наука, сфера нравственности и права, искусство и религия рассматриваются как “ценности-блага”, без которых человечество не может существовать. В отличие от Канта, Виндельбанд вслед за Лотце считает, что нормы управляют не только нравственными действиями, но лежат также в основе теоретической и эстетической деятельности. Всякая ценность выступает как цель сама по себе, к ней стремятся ради нее самой, а не ради материального интереса, выгоды или чувственного удоволь-

ствия. Ценность — это не реальность, а идеал, носителем которого является не индивидуальный, а трансцендентальный субъект — “сознание вообще” как источник и основа всех норм человеческой деятельности.

Хотя основные работы Виндельбанда были написаны в последней четверти XIX века, тем не менее наибольшего влияния его идеи достигли уже в XX столетии. Вместе с Виндельбандом и другими неокантианцами — Генрихом Риккертом (1863–1936), Германом Когеном (1842–1918), Паулем Наторпом (1854–1942) и Эрнестом Кассирером (1874–1945) мы, таким образом, уже входим в XX век.

В XX веке полемика между двумя направлениями в этике — натурализмом и перфекционизмом, или абсолютной этикой продолжается с неослабевающей силой. Принципы абсолютной этики ее представители защищают, как мы уже видели на примере Виндельбанда, с помощью теории ценностей, наиболее детально разработанной у Г. Риккерта, близкого по своим воззрениям к Виндельбанду (так наз. Баденская школа неокантианства). Риккерт в своем учении опирается не столько на Лотце, сколько на Канта. В основе науки, как убежден Риккерт, лежит воля сверхин-

дивидуального субъекта, который хочет истины. Воля, “хотящая естествознания”, или воля, “хотящая истории”, есть стремление к безусловно обязательным для всякого разумного существа сверхэмпирическим ценностям, которые служат регулятивными принципами как теоретического познания, так и нравственного действия. Анализируя процесс познания, Риккерт различает субъективную сторону акта суждения (психическое бытие) и его объективное содержание (надбытийное значение, смысл). Значение, смысл логически предшествует бытию. Всякая ценность — теоретическая, нравственная, эстетическая — трансцендентна по отношению к бытию, в том числе и к эмпирическому бытию субъекта, совершающего акты познания и нравственного действия.

Из понятия воли при образовании этики исходили представители не только баденской, но и марбургской школы неокантианства. Герман Коген (1842–1918) считает источником ценностей “чистую волю”, носитель которой, трансцендентальный субъект, в отличие от индивидуального, имеет надвременный характер. Гуго Мюнстерберг (1863–1916), посвятивший обоснованию этики специальную работу “Философия ценностей” (1908), видит в признании ценностей фундаментальный акт надындивидуальной воли. При этом он различает ценность и долженствование как трансцендентную и имманентную реальности и соответственно указывает на метафизическое различие ценностей и норм.

Принципы абсолютной этики на основе учения о ценностях отстаивали также представители другого влиятельного философского течения XX века — феноменологии. Именно феноменологическая школа, основанная Эдмундом Гуссерлем (1859–1938), дала наиболее значительные результаты в области этики: я имею в виду творчество Макса Шелера (1874–1928) и Николая Гартмана (1882–1950). Как и неокантианство, феноменологическая школа резко выступила с критикой психологизма и натурализма в философии. “Дух и только

он есть бытие в себе и для себя. Только он автономен и доступен истинно рациональному, истинно научному изучению. Что же касается природы <...> то автономия природы лишь кажущаяся <...> Наука о природе предполагает науку о духе”¹⁰. Феноменология, по Гуссерлю, как наука о чистых феноменах, “чистых сущностях” дает возможность постигнуть, что такое дух. В отличие от явлений чувственного мира, чистый феномен вырван из потока времени, но при этом дан сознанию непосредственно; сознание не конструирует феномены, а созерцает их и в момент созерцания должно быть рецептивным, должно позволить феномену открыться, явить себя. Для этого необходимо осуществить редукцию — вынесение за скобки эмпирического мира, являющегося трансцендентным сознанию, с тем, чтобы в поле зрения осталась только структура самого сознания, данная нам имманентно. Главное для Гуссерля в его стремлении освободиться от психологизма состоит в различении потока переживаний, с одной стороны, и с другой — интенционального предмета, который есть не психическая, а смысловая реальность, родственная той, которую Лотце и неокантианцы называли значением или ценностью.

Однако теория ценностей в феноменологической школе обосновывается иначе, чем в кантианской традиции. Еще учитель Гуссерля Франц Brentano (1838–1917) критиковал Канта и его последователей за то, что они интеллектуализируют понятие ценности, поскольку видят источник его в разумной воле, тогда как в действительности источником ценности являются эмоциональные акты предпочтения — любви, а отрицательные ценности возникают из акта отвращения — ненависти. Эти акты, по Brentano, — более фундаментальные феномены, чем акты выбора, предполагающие волю. Так, по Brentano, говоря о том, что боль ненавистна, а радость любима, человек утверждает существование ценностей, но надо иметь в виду, что это не чи-

сто психологические, а в некотором роде *априорные чувства*.

Тут необходимо пояснение. Дело в том, что в истории было немало попыток обосновать этику с помощью чувства; так называемая *эмотивная этика* в XX в. широко представлена в неопозитивизме, например, Альфредом Айером (р. 1910). С точки зрения Айера, этические суждения имеют чисто психологический источник — человеческие эмоции, а потому нормативная этика не имеет реальной базы: “Суждения, которые описывают явления морального опыта и их причины, должны быть отнесены к науке психологии или социологии”¹¹. Эмотивная этика, как видим, является вариантом натурализма, причем одним из наиболее скептических и релятивистских, отрицающих какое бы то ни было объективное значение морали.

Надо сказать, что и в Германии начала века были философы, пытавшиеся обосновать нравственность с помощью чувства, а потому считавшие ценности чем-то субъективным. Это были В. Вундт (1832–1920), Ф. Иодль (1849–1914), написавший двухтомную “Историю этики в новой философии” (1882–1889) и ряд других сочинений, посвященных проблемам этики, а также Фридрих Паульсен (1846–1908), автор необычайно популярной “Системы этики”, вышедшей в двух томах в 1889 г. и многократно переиздававшейся: в 1921 г. вышло двенадцатое издание этой работы. Указывая на историческую относительность этических и правовых норм, эти философы делали вывод об относительности лежащих в их основе ценностей, отличая в духе позитивизма мировоззрение как базирующееся на ценностях от науки, дающей объективное знание.

В противоположность этому, Brentano, Гуссерль, Шелер и Гартман были убеждены в объективном, сверхэмпирическом характере “чистого чувства” и, соответственно, в абсолютном значении ценностей. “Вся наша духовная жизнь, а не только предметное познание и мышление в смысле познания бытия, — пишет Шелер,

— обладает «чистыми» — в их сущности и содержании независимыми от факта человеческой организации — актами и закономерностями актов. И эмоциональная составляющая духа, то есть чувства, предпочтение, любовь, ненависть и воля имеют изначальное априорное содержание, которое у них нет нужды одалживать у «мышления» и которое этика должна раскрыть независимо от логики. Существует априорный *ordredecoeur*, или *logiquedecoeur*, как метко замечает Паскаль”¹².

Шелер согласен с Кантом в том, что человеческую волю нельзя ставить в зависимость от внешних по отношению к ней благ и целей, поскольку с изменением этих благ менялся бы смысл понятий доброго и злого. Не содержание воли определяется внешними ей целями, а, напротив, цели различаются по тому, какими ценностями направляется воля: добрая воля ставит себе и благие цели. Однако, оставляя за пределами этики “блага”, то есть “ценные реальности”, Кант выносит за ее пределы и те ценности, которые “воплощены” в этих благах, считая их принадлежащими тоже эмпирическому миру. По убеждению Шелера, ценности, явленные в благах, не принадлежат эмпирическому миру: подобно тому, как цвета можно отделить от цветных предметов и созерцать сами по себе, так и ценности — прекрасное, благородное, величественное, священное — могут быть созерцаемы как чистые феномены, а не только как свойства людей, которым они принадлежат. Область априорного не совпадает, по Шелеру, только с “формальным”, как это доказывал Кант, — эмоциональная жизнь также имеет свое априорное содержание, и его Шелер называет “содержательным априори”: любовь и ненависть — изначальные основы человеческого духа, последний фундамент всякого другого априоризма. Ценности, таким образом, представляют собой интенциональное содержание эмоциональных актов, не зависящие от характера и эмпирического протекания самих этих актов. Априорная структура ценностей не зависит от целепо-

лагающей деятельности субъекта, его воли. Сущность всякого познания ценностей составляет, по Шелеру, акт предпочтения, в интуитивной очевидности которого устанавливаются объективные ранги ценностей: ценности тем выше, чем они долговечнее, чем менее причастны “экстенсивности”, то есть делимости, и чем глубже удовлетворение, которое они приносят. Наименее долговечны ценности приятно-го, связанные с удовлетворением чувственных склонностей, с материальными благами, которые в наибольшей мере делимы и дают преходящее удовлетворение. Выше их ценности прекрасного или познавательные ценности — они неделимы, и потому все, участвующие в созерцании красоты или познании истины, получают единящую их радость. Выше всего — ценность святого, или божественного, которая в любви связует всех причастных ей и дает глубокое непреходящее удовлетворение. Все ценности, по Шелеру, имеют своей основой ценность божественной личности — бесконечного личного духа, который есть любовь.

К сторонникам абсолютной этики принадлежат также представители интуитивистского направления в этике, сложившегося на основе английского неореализма, — Джордж Эдуард Мур (1873–1947), Гарольд Артур Причард (1871–1947) и другие. В первой половине XX в. особенно большим влиянием в англоязычном мире пользовалась нравственная философия Дж. Мура, автора работ “Принципы этики” и “Этика”, которого иногда называют Кантом XX века. Мур выступил с резкой критикой не только натурализма в этике, но и метафизической этики, которая, по его мнению, тоже совершает “натуралистическую ошибку”, пытаясь вывести принципы нравственности из другой реальности. Натурализм считает такой реальностью природу, а метафизическая этика — сверхчувственный мир, который отождествляется либо с Богом (теистический вариант), либо с универсумом (пантеистический вариант); в обоих случаях, согласно Муру, этика лишается своей самостоятельности. “...Упорную приверженность предрассудку, что якобы знание о сверхчувственной реальности было необходимым этапом для получения знания о том, что является добром самим по себе, мы можем приписать отчасти непониманию той истины, что предметом учения о ценности не является *реальность* оцениваемого предмета...”¹³. Ни естествознание, ни социология, ни метафизика не могут, согласно Муру, быть основой для этики, ибо моральное добро нельзя определять через сущность иной природы. Убеждение в надэмпирическом характере моральных ценностей и их интуитивном постижении сближает Дж. Мура с Р. Лотце, М. Шелером, а особенно — с Николаем Гартманом.

Завершая краткий обзор теорий абсолютной этики, нельзя не сказать о *религиозной этике*, представители которой стремятся дать теистическое обоснование нравственных ценностей и таким образом создать не автономную, а *теономную* этику. К этому направлению можно отнести этические учения неотомистов (Жак Ма-

ритен, Этьен Жильсон), протестантской теологии (Рудольф Бультман, Пауль Тиллих и другие), русской религиозной философии (Н. О. Лосский, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев и другие). Ярким примером теономной этики XX в. является нравственная философия Н. О. Лосского (1870–1965), которая восходит к теономной этике В. С. Соловьева и питается не только от православной традиции, но и от русской литературы XX в., особенно творчества Ф. М. Достоевского. Немалое влияние на формирование этического учения Лосского оказали нравственная философия М. Шелера и Н. Гартмана, исходивших, как и Лосский, из интуитивистской теории познания. В своей работе “Условия абсолютного добра” (1949) Лосский поясняет, что предпосылкой христианской теономной (заповеданной Богом) этики служит аксиологический опыт, непосредственное восприятие объективных абсолютных ценностей в связи с высокими чувствами, интенционально направленными на них¹⁴. Русский философ, как видим, опирается на *эмоциональный интуитивизм* М. Шелера для построения нормативной теономной этики. Лосский характеризует свою нравственную философию как этику Абсолюта. Абсолютное добро как верховная нравственная ценность, стоящая на вершине всей пирамиды ценностей, есть Царство Божие. Теономная этика Лосского отличается от автономной этики Канта тем, что ее нормы соответствуют воле Божией и строю мира, Им сотворенному. По своему характеру теономная этика есть этика любви, а не долга; как и Шелер, Лосский ставит “законы сердца” выше законов разума, хотя никогда резко не противопоставляет их. Аскетические мотивы кантовской этики долга Лосский считает важными для любого варианта христианской этики; более того, он видит положительное значение кантовской критики гетерономной этики, подчеркивая, что и теономная этика не является гетерономной.

Чтобы аргументировать этот не вполне очевидный тезис, Лосский приводит такой

довод: содержание нравственных заповедей “есть нечто ценное само по себе и потому достойное исполнения даже и с точки зрения того существа, которое, заблуждаясь, отвергает бытие Бога. Отсюда ясно, что теонимная этика включает в себя ценные стороны автономной этики, отбрасывая соблазн гордыни, кроющийся в понятии автономии как «самозаконодательства»: строго говоря, тут нет самозаконодательства, потому что нравственные нормы не творятся моей волей, а содержат в себе усмотрение объективной ценности должного. При этом свобода моя сохраняется: я могу высказать норму, признать ее обязательной и все же не исполнить ее”¹⁵.

Вот категорический императив теонимной этики, как его формулирует Лосский: люби Бога больше, чем себя; люби ближнего, как себя; достигай абсолютной полноты жизни для себя и всех других существ. Только исполняя эти требования, человек реализует идеал совершенства — высший для христианской этики; ибо в Евангелии сказано: будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный.

Мы объединили целый ряд этических учений на основании общего для них стремления создать антинатуралистическую, абсолютную этику, хотя как по своим общефилософским предпосылкам, так и по характеру аргументации эти учения весьма различны.

В рамках одной статьи невозможно дать всесторонний анализ концепций абсолютной этики и показать, в чем состоит сила и слабость каждой из них. Однако необходимо признать, что представители абсолютной этики в состоянии решить вопрос о нравственной природе человека и создать этику как науку о нравственном добре и зле.

И сегодняшняя ситуация в России очевидно являет нам истину утверждения, что именно духовное, нравственное начало составляет фундамент человеческого общества, в том числе его здоровой экономики и политической стабильности. Вот почему наша тема — о нравственной природе че-

ловека — приобретает особую остроту и актуальность, далеко не только теоретическую.

-----

1. В понятие разума греческий философ включал и нравственный аспект, но этот аспект не всегда и не для всех был явным, поскольку в ходе философского развития разум получал разные толкования.

2. Лосский Н. О. Условия абсолютно-го добра. М., 1991. — С. 24.

3. © П. П. Гайденко, 1999

4. См. Соловьев В. С. Византизм и Россия // Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1989. — С. 579.

5. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М., 1994. — С. 215.

6. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Собр. соч. в 10 тт. Т. VII. СПб., б/г. С. 169.

7. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 228–229.

8. © П. П. Гайденко, 2000

9. Там же. С. 229.

10. Ригоризм (от лат. *rigor* ‘твердость, строгость, непреклонность’) — строгое и неуклонное проведение нравственного принципа.

11. Там же. С. 347.

12. Husserliana. Gesammelte Werke. Bde I–XXVI. Haag, 1950–1984. Bd. VI. S. 145.

13. Ayer A. J. Language, Thrut and Logic. L., 1936. P. 151.

14. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 283.

15. Мур Дж. Принципы этики. М., 1984. С. 200.

16. Лосский Н. О. Условия абсолютно-го добра. М., 1991. С. 71.

17. Там же. С. 69.

П. Гайденко

ХРИСТОС УМИРАЕТ НА ОБЕИХ СТОРОНАХ

Является ли Христос нейтралом? Слово «нейтрал» часто используется в негативном смысле, примерно как «равнодушный». «Я тут постою в сторонке, пока вы будете друг друга убивать» Но Христос не стоит в стороне. Боговоплощение означает, что Бог находится не в стороне — а в самом средоточии человеческой борьбы и трагедии.

Вот сейчас разворачивается страшный конфликт, на обеих сторонах которого есть православные люди, взывающие теми же словами ко Христу и Богородице, а их семьи дома молятся о том, чтобы они вернулись живыми и невредимыми. В то время как сами воины прилагают немалое старание к тому, чтобы эти молитвы не исполнились, стремясь убить или изувечить друг друга. Обе стороны призывают Бога на помощь в этом деле, а кто-то из участников так и вовсе решительно заявляет, что Бог на их стороне.

Множество как профессиональных, так и добровольных агитаторов сторон уверяют, что убивать других христиан (и вооб-

ще людей) на поле боя есть дело, превосходно согласное с Евангелием, и даже отражающее его высокий дух самопожертвования. Они полностью согласны в том, что человекоубийство — включая убийство братьев во Христе — угодно Богу, но расходятся во мнениях относительно того, на чьей именно стороне.

На чьей стороне Христос? Мы легко увидим ответ, если уточним вопрос — что Он делает на той или иной стороне? Ненавидит? Нажимает на спусковой крючок? Убивает? Упивается чужой смертью? Гордится удачно уничтоженным противником? Выбивает информацию из «языков»? Очевидно, нет; Христос пришел в мир, который был, как и нынешний, раздираем войнами, в оккупированную страну, охваченную партизанским движением. И мы знаем, что Он сделал — умер от рук Своих врагов. Он разделил человеческую смерть, чтобы преодолеть ее Воскресением. Он умер за грехи грешников, понеся на Себе проклятия проклятых. Он не причинил никому смерти — но сам принял ее. Поэтому

Христос делает то, что и сделал тогда, на Голгофе — умирает на обеих сторонах. Он с теми, кто умирает, с теми, кто терпит жестокость и насилие, а не с теми, кто творит их. Он не сражается среди «нас» — Он умирает среди «них».

На дороге в Дамаск Господь говорит Савлу (будущему святому Апостолу Павлу) — «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян.9:4) Господь в это время пребывает на Небесах, и гнать Его лично Савл никак не может. Савл гонит Его людей, Церковь. Людей, с которыми Христос Себя отождествляет — с теми, кто терпит страдания, а не с теми, кто их причиняет. В одном из самых пугающих мест Писания — Притче о Страшном Суде — Христос говорит, что то, что было сделано по отношению к больным, голодным, нагим и заключенным, было сделано по отношению к Нему. При этом не уточняется, что они — хорошие люди; заключенные вполне могут сидеть за свои преступления, а нагие, голодные и больные впасть в такое бедственное состояние через свою глупость и пороки. Про них известно только то, что они страдают и нуждаются. И Христос страдает в них и с ними. Христос с тем, чье тело пробивает пуля — а не с тем, кто эту пулю выпускает. Христос с теми, кто рыдает над гробом — а не с теми, кто торжествует победу. С теми, кого война сделала нагими, голодными, больными и заключенными — а не с теми, кто на ней возвысился и обогатился. И это разделение довольно слабо связано с разделением на стороны военно-политического конфликта. Да, политики каждой из сторон заявляют, что именно их сторона является жертвой жестокой агрессии. Но политики с обеих сторон — это политики; а жертвы с обеих сторон — это жертвы, и их невозможно перепутать.

Вооружиться и убивать на этой братоубийственной войне — значит быть по другую сторону от Христа. Это может быть трудно усвоить, но если мы воспринимаем Евангелие всерьез, это так. Вопрос в том, насколько всерьез мы готовы его воспринять.

В детстве я читал книжку «Кондуит и Швамбрания». Речь там идет о детях, которые играют в воображаемую страну. Наконец, они вырастают, и оставляют свои детские игры. Люди вообще любят играть в воображаемые страны — некоторые люди, которых я знаю, по выходным переселяются в мир Толкина, где они становятся (на время) эльфами или хоббитами.

Но все эти люди, пока они остаются в здравом уме и твердой памяти, знают, где находится их подлинная жизнь и подлинные обязательства. Он не перепутают звонк начальника с призывом Арагорна, и, в случае, если им придется выбирать между двумя повелениями, выберут начальника, а Арагорну придется подождать. Делу время — потехе час. Их подлинные интересы и обязательства лежат не в Средиземье. Извини, старина Гэндальф.

Промысел Божий иногда ставит нас перед испытанием — когда нам приходится решать для себя, чем для нас является наша вера. Ролевой игрой, которой мы предаемся в свободное от других, более важных занятий время, или фундаментом, на котором мы строим нашу жизнь? Кто должен уступить, когда повеления Христа входят в конфликт с повелениями еще кого-то — тусовки, партии, нации, государства, всего прогрессивного человечества? Христос или все прогрессивное человечество?

И если мы намерены повиноваться Христу, мы должны хранить его заповеди. «Не убий» — значит «не убий». Не убивай, не подстрекай к убийству, не радуйся убийству, не одобряй убийства, не разжигай истерию, которая ведет к убийствам. «Не лжесвидетельствуй» — не распространяй непроверенной информации, особенно такой, которая может обострить вражду и ненависть. И — «любите врагов ваших».

Это — предельно серьезный выбор, и в нем нет ничего от равнодушия.

Александр Моисеенков

ЧЕЛОВЕК ВАМ ЗАВИДУЕТ? СДЕЛАЙТЕ ЕМУ КОМПЛИМЕНТ

Зависть – это глубинное свойство души, это уже не феномен, не проявление, мы не так часто видим, чтобы человек говорил: «Я завидую Иванову, Петрову или Сидорову. Я хочу его жену, машину, дачу. Хочу его рост: у него рост 180 см, а у меня только 170». Мы этого не слышим, не видим. Эти вещи происходят в душах людей, и как священник, принимающий исповедь, я могу засвидетельствовать, что это частое, распространенное и болезненное состояние души.

Десятая заповедь Моисеева закона гласит: «Не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дома ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего, елика суть ближнего твоего».

А что значит – не пожелай? Желание – природное качество. У меня, может быть, желание есть или спать, я ими не управляю, так же точно и желания недобрые, наши вредоносные страсти. Этим желаниям надо ставить заслон. Надо видеть их зловредность, их вирулентность, говоря

медицинским языком, и, обнаружив их, ставить им препятствия. Не пускать их, не принимать этот завистливый помысел, говоря святоотеческим языком.

Если я понимаю, что начинаю размышлять: «Эх, какие у него ботинки, а у меня такие слабые...», то как только такие мысли появятся, я скажу сам себе: это совершенно лишнее, ненужное, вредное, пустое и абсурдное! И мне уже легче, когда я прошу у Господа помощи в отторжении этого завистливого помысла.

Есть замечательная притча. Какому-то человеку явился Сам Господь и говорит: «Ты такой хороший, благочестивый, исполню любое твое желание. Но учти, что все, что ты попросишь, твоему соседу я дам вдвойне». Человек задумался и сказал: «Господи, выбей мне глаз!» Вот это достаточно типичное проявление зависти.

Заметьте также, что когда апостол Иоанн Богослов описывает в Первом Послании греховный мир, мир зла, он говорит о зависти. «Похоть очей» – что это, как не зависть? Похоть плоти, похоть очей и

гордость – это три элемента, на которых в святоотеческих высказываниях фокусируется православная мысль. И зависть становится форпостом сатаны в нашей душе. Для преодоления зависти иногда приходится работать очень серьезно. А иногда достаточно трезвомысленно открыть свою душу Господу, и сразу все исчезает.

Иногда, я должен вас предупредить, эти завистливые состояния, завистливые помыслы перерастают в настоящую страсть, буквально до параноидальной навязчивости.

К сожалению, я встречал болезненные состояния, приближающиеся к психопатологии. Человек живет год за годом в состоянии: «Почему у меня так, а у него эдак?» Если, например, женщина не замужем, то у нее может быть навязчивая мысль, что Бог ее несправедливо лишил замужества. А если она замужем, то почему у нее муж такой, а не эдакий. Повод всегда найдется! Зависть устроена удивительным образом: предмет для зависти найдется всегда, насытить зависть невозможно в принципе.

В чем преимущество богатых стран? Наши неразумные соотечественники нередко говорят: «Почему у меня пенсия 5000 рублей, а у него дом и дача трехэтажная? Как это плохо, несправедливо, вся наша жизнь устроена неправильно, вся наша страна не такая как нужно...» А в странах с более установившейся нормальной жизнью – у этого трехэтажный дом, у этого тридцатиэтажный, у этого двадцать тридцатиэтажных домов, и так далее. И всем становится понятно, что мысли эти совершенно никуда не ведут, они пустые.

Социальная почва в богатых странах, как ни странно, более благополучна для устранения зависти. И отлично. Наша страна, потихонечку входя в новые нормы социально-гражданской и экономической жизни, тоже даст нам такую возможность.

Главное, для избавления от зависти человеку надо обнаружить этот яд в своей душе. И как в медицине – пока яд на меня действует, а мой организм сигнала не дает,

что это яд, то уже понятно... А если организм сигнализирует, что это яд, то что-то произойдет – или меня стошнит, или еще что-то будет, при обнаружении яда действуют силы иммунитета, и человек освобождается от него. Это самое главное. Что это? Покаяние! Человек должен обнаружить в себе грех и дальше начать от него избавляться.

Пару слов о том, кому завидуют. Здесь уже подход немного другой. Если я знаю, что мне кто-то завидует, то ситуация опасная, вспоминая Шекспира, Отелло. Может быть очень плохо, если я эту зависть не обнаружу, не начну правильно позиционировать себя, свою жену или своего мужа, свое социальное положение или свое служебное положение. Если с завистником неправильно обойтись, игнорировать его, можно только хуже его раздражить, и он может пойти вплоть до преступления – вспоминайте Яго, Отелло.

Поэтому, с одной стороны, нужно просто знать, откуда можно ждать удара, а, с другой стороны, можно пойти на некоторые шаги умиротворения, можно этому завистнику подложить какую-то сладкую пилюлю, снисходя к его немощи.

Если вы видите, что человек вам завидует, скажите ему какой-то комплимент или как-то его утешьте, не подавая вида, что вы знаете о его зависти. Если он завидует вашему здоровью, то пожалуйста ему на свои болезни. Если он завидует вашему богатству, то поделитесь с ним, как трудно, тяжело стало.

Не могу сказать, что это прям так исцелит его, это как болеутоляющее: если у кого-то болит голова, то одно дело его серьезно лечить, другое дело – дать таблетку анальгина. Таблетка не вылечит, но боль облегчит. Вот примерно такой подход.

Подготовила Тамара Амелина

ЧЕЛОВЕК В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ: НОВАЯ ПАРАДИГМА ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ АКТ?

'Dystopia'. Anthony Aziz and Sammy Cucher.

С момента своего появления человек, его природа и назначение, остается тайной для себя самого, предметом напряженного самопознания, «вселенской историей».

В пределах европейской традиции мы находим несколько ключевых антропологических парадигм, ставших основополагающими для всей мировой культуры. Величайшей интуицией античности было понимание человека как микрокосма, несущего в себе полноту мироздания. Библейское учение определило человека как носителя образа и подобия Божия, искаженного, но не утраченного полностью вследствие грехопадения.

В христианстве антропология неразрывно связана с христологией. Христос явил в себе совершенного человека, свободного от греха и в единстве с Богом [1]. Во Христе человеческая природа искуплена и преображена. Человеческая личность

мыслится как бесконечная ценность, ради ее спасения совершается Боговоплощение.

Новое время началось с утверждения оптимистического антропоцентризма. Гуманизм провозглашает человеческую природу изначально благой, существующей автономно и не нуждающейся в спасении. Отвергается понятие греха и аскетика, как наука борьбы с ним. Однако гуманизм вне ориентации на теоцентризм, а также секуляризм, как изгнание из истории «вертикальной» ориентации, уже в XIX веке приводят к тотальному развенчанию человека, его радикальной критике в качестве «венца творения».

Воспринимаемый как «живая машина» или элемент цепочки биологической эволюции, человек теряет свою онтологическую уникальность. «Если нет Бога, то нет и человека – вот что опытно обнаруживает наше время» [2], – писал в 1923 году в сво-

ей программной статье «Новое средневековье» Н.А. Бердяев. Начатый под лозунгом «борьбы за человека» данный мировоззренческий исход парадоксально приводит к потере человека как ценности.

Эта «игра на понижение» — не порождение вульгарного материализма или рафинированного декадентства: начиная с Ренессанса слишком многие готовы рассуждать о человеке как о преходящей форме антропогенеза, о неизбежности появления новой, сверхчеловеческой формы жизни. От утопического социализма XVIII века к марксизму, от «белокурой бестии» Ницше к расизму Розенберга и Гитлера, от фрейдизма к концепции «одномерного человека» Маркузе, — идет согласный процесс «антропологической революции», ставящий под сомнение традиционный для Европы антично-средневековый (при всех их различиях) взгляд на человека.

Впервые цивилизация оказывается в совершенно новых условиях. Уже не только социально-экономическое и политическое содержание жизни, не только формы мировоззрений и культур, но сам человек, само своеобразие человеческого мира оказывается подлежащим тотальной перестройке в плавильном котле ускоряющегося прогресса.

Человеческая природа все в меньшей степени трактуется в категориях *аутентичности* — значительно чаще в категориях *пригодности и приспособленности*. Технологический подход к человеку стал общераспространенным. Если в начале нового времени он был лишь футурологическим прогнозом, то в век генной инженерии и трансплантологии — насущной реальностью.

Не углубляясь в историко-философский анализ данной проблематики, все же позволим себе привести один яркий пример, наглядно характеризующий радикальность данных процессов.

Эпоха Просвещения при всем своем гуманистическом пафосе породила ряд весьма характерных текстов, которые лишь на первый взгляд могут показаться

для нее маргинальными. Один из них — трактат «Истина или истинная система» *Леже Мари Дешана* (1716-1774) — монаха-бенедиктинца, казначея монастыря и одновременно французского философа-материалиста.

В этой книге, опубликованной полностью только в XX веке, большое место уделено футурологическому прогнозу, представленному весьма основательно. Скрупулезно описывая идеальное общество будущего, Дешан утверждает, что в нем произойдут коренные изменения человеческой психики.

«Совершенный строй нравственности», в котором осуществится социальное равенство и всеобщее благополучие, приведет к исчезновению отдельных связей между людьми и ярких индивидуальных чувств. На всех лицах будет написан «ясный вид довольства», и все они приобретут «почти один и тот же вид»[3], станут похожи друг на друга даже больше, чем животные одного вида[4]. Сознание людей приобретет «гармоничность», все будут придерживаться одинакового образа действий.

В словах, достойных пера Оруэлла, Дешан (почти за двести лет до последнего и с полным сочувствием) живописует общество, которое достигнет предельной стандартизации условий жизни, а через нее унификации внутренней жизни человека.

На пути к этой всеобщей гармонии придется уничтожить многое, в том числе изящные искусства, науку и технику. Подлежат ликвидации книги. Коренной модернизации подвергнется язык обновленного человечества. Он станет «гораздо более простым, гораздо менее богатым, все люди станут говорить на одном языке, а язык этот будет стабилен и не подвержен изменениям»[5]. Из него будут изгнаны понятия, служащие для обозначения нравственных качеств, и даже «термины, напрасно отличающие нас от всех прочих предметов»[6].

Таким образом, через системную примитивизацию языка должно быть осу-

ществлено предельно возможное нивелирование человеческой индивидуальности. «Слово «Бог» подлежит устранению из наших языков»[7].

Передача традиции, культурная преемственность, система образования – все это необходимо уйдет в невозвратное прошлое, уступив место беззаботному благоденствию и покою – «все дни походили бы один на другой»[8]. Не нужно будет учиться (все необходимое дети будут усваивать, подражая старшим), письменность исчезнет, отпадет необходимость «размышлять и рассуждать».

Наконец, люди будущего станут умирать «смертью тихой, смертью, похожей на их жизнь... Похороны их не отличались бы от погребения скота... Их мертвые собратья не должны для них значить больше мертвой скотины»[9].

Система Дешана не просто социалистическая утопия, не мечта об идеальном будущем человека в обществе всеобщего равенства и братства. Он проповедует унификацию сознания, ликвидацию понятий свободы, творчества, индивидуальности даже в качестве мыслимых и выражаемых языком категорий, то есть призывает к кардинальному изменению самой человеческой природы.

Не в столь яркой форме подобные мысли, однако, встречаются и в «Утопии» Т. Мора, и в «Городе солнца» Т. Кампанеллы, и в «Завещании» Ж. Мелье, и в трактатах энциклопедистов.

Научно-техническая революция, начавшаяся в XIX веке, утвердила веру в безграничные возможности человека, привела к окончательному закреплению за ним центрального статуса в природе, над которой он призван господствовать с помощью техники.

Культ науки и культ машины победоносно шествовали по миру вплоть до современной постиндустриальной эпохи, требуя «не ждать милостей от природы» и провозглашая, что «человек – это звучит гордо». До настоящего времени, несмотря на грозные экологические предзнаменова-

ния, сциентизм, как и техницизм, остаются важнейшими мировоззренческими позициями.

Концепты «*прометеева человека*» и «*фаустовского человека*» — покорителя природы, вырывающего у нее сокровенные тайны и самовольно ее исправляющего, — стали ключевыми для индустриальной эпохи. Под знаком этих жизнеориентирующих образов происходило насаждение инструментально-технологического отношения к миру, превратившее природу в «лабораторию» и «мастерскую», источник безудержного экспериментаторства и удовлетворения все разрастающихся материальных потребностей.

Утилитарно-прагматическое восприятие мира своим неизбежным следствием имело формирование подобного же отношения к самому человеку, вырванному из природного контекста и помещенному в порожденную им техническую среду.

В яркой форме это отразилось в советской литературе 1920-1930-х годов, когда «электрификация» и «индустриализация» стали сакральными понятиями. В грохоте гигантских промышленных строек первых пятилеток чудилось рождение нового мира. Социализм надежно сомкнулся с индустриализмом, ставшим мощным средством борьбы с «проклятым прошлым» крестьянской России.

У вымощенного тракта,
На гранитном току,
Раздавит раскатистый трактор
Насмерть раскоряку-соху.
(М. Герасимов)

В этих строках популярного советского поэта «раскоряка-соха» — синоним самой «избяной» Руси, обреченной на уничтожение.

Советский литературный официоз 1920-х годов выразительно передает охвативший миллионы пафос поклонения машине, желание молиться или даже слиться с ней: «Шеренги и толпы станков, подземные клокаты огненной печи, подъемы и спуски нагруженных кранов, дыханье прикованных крепких цилиндров, рокоты га-

зовых взрывов и мощь молчаливая пресса – вот наши песни, религия, музыка» (А. Гастев)[10].

Особенно усердствовала литература для детей, воспевая героический труд советских индустриализаторов:

Где вчера плескались рыбы —
Динамит взрывает глыбы,
Где шумел речной тростник —
Разъезжает паровик.

(С. Маршак. Война с Днестром)

Мировая революция понималась ее вождями, не только как форма социального переустройства на началах коллективной собственности и обобществленного производства. Ее мессианские амбиции шли неизмеримо дальше, провозглашая конечной целью полное изменение человека и природы в новом мире.

Об этом откровенно пишет Л. Троцкий в статье «Искусство революции и социалистическое искусство»:

«Если вера только обещала двигать горами, то техника, которая ничего не берет «на веру», действительно способна срывать и перемещать горы. До сих пор это делалось в целях промышленных (шахты) или транспортных (туннели), в будущем это будет делаться в несравненно более широком масштабе ... Человек займется перерегистрацией гор и рек и вообще будет серьезно и не раз исправлять природу... Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всем ее объеме...»

Тонкая грань, отделявшая мир человека от мира природы в революционном атеистическом сознании легко переходит. Чуть ниже Троцкий говорит уже о необходимости «перерегистрации» и самого социалистического человека:

«Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший хомо сапиенс, снова поступит в радикальную переработку и станет под собственными пальцами – объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки»[11].

О методах этой радикальной переработки человека в бесклассовом обществе прямолинейно рассуждает Н.И. Бухарин:

«Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи»[12].

Совершенно очевидно, что «трудовые армии» 1920-х годов, концепция «милитаризированной рабочей силы», наконец, чудовищная система ГУЛАГа оказываются совершенно приемлемым для новой власти путем достижения существенно улучшенным «человеческим материалом» идеального общества. Мысли Бухарина и Троцкого удивительно созвучны в этом смысле Кампанелле или Дешану. Справедливо утверждение А.С. Панарина, что в XX веке «в России индустриализм явился в неприкрыто бесчеловечных крайностях»[13].

Почти все прошлое столетие социализм в его марксистской форме являлся главной левой политической силой, под знаменами которой собирались многочисленные непримиримые противники «старого мира». Здесь сомкнулись и просвещенческий философский утопизм, и политический интернационализм, и сциентистско-техницистский глобализм, и идеология общества-фабрики, и воинствующий атеизм, и квази-религиозный мессианизм, готовый пойти на неслыханные жертвы ради достижения коммунистического рая.

Такой успех марксизма как двуединства философской теории и социально-политической практики во многом объясняется тем, что он, как верно заметил академик И.Р. Шафаревич, предельно конкретно ответил на два ключевых вопроса, без решения которых невозможно построить ни одной действенной идеологии: какова *общественная сила, избранный народ, руками которого будет демонтироваться прежняя система*, и каков *высший санкционирующий авторитет движения*[14]. Ответом на первый вопрос был – *пролетариат*, на второй – *наука*.

Однако уже во второй половине XX века оба они оказались в значительной мере недействительными. Мировой пролетариат утратил свою былую революционность. Наука также потеряла ореол абсолютной ценности, став массовой, чрезвычайно институализированной и специализированной областью человеческой деятельности, к тому же с весьма не бесспорными заслугами перед человечеством.

В связи с этим уже в 1960-е годы в США и Европе ищутся и постепенно определяются новые «движущие силы» и «непререкаемые авторитеты», происходит очевидная смена «правил игры». На данном этапе, несмотря на усилия левой интеллигенции, мировой общественностью была осознана опасность социалистической концепции глобального будущего.

Слова «Фултонской речи» У. Черчилля, обозначившие открытое начало «холодной войны», о том, что коммунизм представляет собой «все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации», а его «экспансионистские» и «верообратительные» амбиции не имеют пределов, нашли широкий отклик.

Требовалась «смена парадигм». Дискредитировавшая себя откровенным тоталитаризмом и бесчеловечностью социалистическая система вызвала здоровое отторжение во всем мире и не могла уже оставаться в «мейнстриме» развития левой идеологии.

Если 1950-е годы такой видный философ-авангардист, как Ж.П. Сартр, предлагал просто игнорировать проникающие на Запад сведения о концентрационных лагерях в СССР, так как это может привести французский пролетариат к отчаянию, то вскоре он заговорил о бюрократичности и репрессивности советского строя.

В политике Советского Союза, который после Второй мировой войны перестал восприниматься флагманом прогрессивного мира, Запад вдруг рассмотрел столь неприятные ему, но сохранившиеся вопреки всему черты исторической России, в связи с чем возобновились традиционные обвинения в возрождении великорусского шовинизма, ксенофобии, притеснениях национально-культурных меньшинств, нарушении прав человека и т.д.

Итак, уже не рабочий класс и, тем более, не страна победившего пролетариата определяют отныне в качестве «избранного народа», с помощью которого должна продолжиться «антропологическая революция». Теперь это различные социальные *меньшинства*: сначала студенты и американские негры, вскоре представители нетрадиционных религий и лишенные государственности малые народы, наконец, гомосексуалисты и половые извращенцы.

Новым санкционирующим авторитетом и важнейшим мировым достоянием провозглашаются «права человека» или «общечеловеческие ценности», в отстаивании которых в любом конце земного шара все средства хороши. Гарантом их сохранения выступают, естественно, США. Культовыми становятся понятия плюрализма, толерантности, космополитизма, глобализма; нормативными принципами нового мирового порядка объявляются безграничная свобода самовыражения, крайний индивидуализм, «мораль успеха» и «эстетика наслаждения».

Индустриальная цивилизация в ее либерально-прогрессивном изводе, порожденная секулярным антропоцентризмом и в не меньшей степени, чем социализм, приводящая к нивелированию и обесцени-

ванию человека, постепенно уступает место *постиндустриальному* или *информационному обществу*.

Как социализм, так и западный либерализм тяготеют к построению однополярного мира. Не лишено объективности недавнее утверждение такого отнюдь не теоретика, председателя Счетной палаты РФ С.В. Степашина, что современная западная глобализация является «формой экономического тоталитаризма»[15]. Оба исторических феномена представляют собой два пути к реализации техницистской утопии, формирующей новую иноприродную и постчеловеческую реальность.

Западный путь прогресса более мягкий, чем коммунистический, в большей мере основан на манипулировании и управлении массовым сознанием. Однако обоим характерно утилитарное отношение к человеку, сведение его до уровня «винтика» в социалистической системе или бездумного потребителя искусственно навязанных материальных благ в системе капиталистической.

После краха социалистического «второго мира» западный космополитический глобализм осознал себя единственной исторической силой мирового масштаба и окончательно сформулировал свои претензии к человечеству, которые в не меньшей степени, выражаясь приведенными выше словами Черчилля, являются экспансионистскими и верообратительными, чем коммунистические.

Идеологи нового мирового порядка, уже провозгласившие конец истории и одновекторность развития мира, не нуждаются в его культурном и цивилизационном многообразии и склонны интерпретировать не западные формы общественно-экономической жизни, как тупиковые. Еще в меньшей степени для них является подлинной, а не мнимой ценностью человеческая природа, с которой также можно экспериментировать, если не в физическом (мораторий на клонирование и генетические эксперименты пока еще действует во

многих странах), то в психологическом направлении.

К концу XX века кризис человеческого сознания обнаруживается сразу в нескольких измерениях. «Прометеев человек» Нового времени, выступающий в качестве покорителя природы, на протяжении нескольких столетий демонстрировал инструментальное отношение к миру, что стало причиной многочисленных глобальных проблем современности.

Утилитарный функционализм стремится превратить в средство не только природу, но и самого человека. «Безудержная «прометеева воля» в сочетании с моралью успеха ведет к поразительной бесчувственности к правам жизни, неуважению высших тайн человека и космоса»[16].

Кризис проявляется и в сфере ценностей и мотиваций. Налицо снижение общего жизненного тонуса западной цивилизации, утрата пассионарности, человек перестает осознавать себя как субъект социально-культурных процессов. Все ярче проявляется эрозия ценностного каркаса культуры, утрата корней, маргинализируется само понятие европейской идентичности.

Особенно сказанное относится к христианским истокам западной цивилизации, упоминание о которых после продолжительных дебатов было исключено из преамбулы общеевропейской конституции. Информационное перепроизводство, продукцию которого современный человек просто не способен в себя вместить, обрачивается дефицитом энергии, прежде всего социальной, утратой интереса к жизни, апатией и депрессией.

Наконец, кризис захватил и нормативную сферу. Все больше размываются вековые устойчивые процедуры разграничения понятий добра и зла, добродетели и порока, прекрасного и безобразного.

Главным рычагом, с использованием которого начались крупнейшие архитектурные сдвиги в психологии западного человечества, стало раскрепощение сексуальной энергии. Именно высвобождение

либидо, активизация инстинктивно-бессознательного подполья человеческой личности оказалось центром приложения многочисленных рекламно-пропагандистских манипуляций. Фрейдизм, особенно в его неопределенной интерпретации, оказался чрезвычайно востребованной идеологией (конечно, не наукой, поскольку на статус научности его метод, при всех претензиях, претендовать не может).

Если мифологическими олицетворениями Нового времени выступали Прометей и Фауст, то героями постиндустриального общества становятся Нарцисс, Орфей и «восхитительный юноша» Эдип. В постмодернизме «эдипов комплекс», интерпретированный Фрейдом как чувство вины за убийство отца, трансформируется в учение о неизбежности «смерти отца», устранении отца как фигуры – носителя ограничений.

Ликвидировав этот ненавистный образ, человечество вступает в эпоху «высшей свободы» — свободы от традиций, в том числе культурных и нравственных, совершается реванш чувственности и инстинкта над разумом и моралью.

Одним из ярких идеологов нового «*не-репрессивного общества*» является Г. Маркузе (1898-1979), стремившийся в своих работах осуществить синтез фрейдизма и марксизма.

З.Фрейд, редуцируя человека к биологическому уровню и расщепляя человеческую индивидуальность на три противостоящие друг другу области: Бессознательное (Оно), Сознание (Я) и Сверхсознание (Сверх-Я), приходит к пессимистическому выводу, согласно которому психические болезни и страдания – неизбежная плата за «цивилизованную жизнь», результат подавления области Бессознательного посредством контроля Я и Сверх-Я.

Если первое функционирует исключительно согласно *принципу удовольствия* и в нем не существует разделения на добро и зло, то в сфере Сознания и Сверхсознания, возникших под воздействием социально-культурных факторов, формируются мо-

ральные нормы, которые стремятся ущемить деятельность Оно. Однако организм хранит воспоминания об утраченном идеальном состоянии неограниченного господства принципа удовольствия и пытается вырваться из порабощения.

Мораль классифицирует такие попытки как «извращение» и «зло», выступая в качестве репрессивной силы. Фрейд приходит к выводу о подавляющем влиянии на человеческую психику нравственных принципов, сравнивая последние с продуктами разложения, которые вырабатываются клеткой и становятся причиной ее гибели.

Таким образом, во фрейдизме происходит радикальное развенчание человека: изначальной формой психической деятельности оказывается только инстинктивно-бессознательная жизнь. Области сознания и сверхсознания провозглашаются «отростками» Оно, возникшими в ходе культурного развития человека надстройками, порабощающими непосредственную человеческую энергию. Воспоминание об удовлетворении стоит у истоков человеческого мышления.

Маркузе стремится преодолеть пессимизм Фрейда, утверждая, что подобное ограничение Бессознательного в его исконных правах, характерное для «авторитарных» обществ, может быть преодолено в будущем.

Он видит возможность возвращения фундаментального принципа удовольствия в социальное бытие при условии сокрушения «идолов», на которых базируются традиционные культуры. Им присуще *сверхподавление* (surplus – repression) инстинктивной жизни человека, что достигается приоритетом рациональности над чувственностью, контролем над внутренней жизнью человека посредством этических категорий «совесть» и «стыд», наконец, тотальной мобилизацией человека с помощью религиозных идеалов, призывающих к аскетизму, а также искусства и науки. Они способны привести целые со-

циальные группы к торжеству «чистой культуры инстинкта смерти».

Сняв эти табу, возможно избавиться от ситуации сверхподавления и построить новое, неавторитарное общество. В нем неизбежно произойдет регресс культуры, разложится ряд социальных институтов, что с воодушевлением принимается левыми идеологами.

Переход к нерепрессивной цивилизации достижим посредством целой серии революций, среди которых наибольшее значение приобретают:

- *Сексуальная революция*, освобождающая сексуальные инстинкты, провозглашающая отказ от связи сексуальности и деторождения, а также от традиционных форм сексуальной жизни, так называемого «генитального доминирования». Отныне все тело становится инструментом наслаждения. «Изменение в ценности и объеме либидозных отношений приведет к разложению институтов, которые регулировали личные межиндивидуальные отношения, в частности, моногамной и патриархальной семьи»[17]. Орфей выступает как мифологическое олицетворение гомосексуальности, Нарцисс — аутоэротизма. Они отрицают «нормальный Эрос, но не ради аскетического идеала, а ради более совершенного Эроса»[18] и протестуют против репрессивного строя детородной сексуальности.

- *Культурная революция*, призывающая к уничтожению «удушающей» буржуазной культуры и всемерно пропагандирующая «авангардное искусство», в том числе идеологию анархистских движений, субкультуры хиппи, панк и т.д. Многочисленные разновидности рок-музыки, активно воспринимающие технические достижения для максимального воздействия на человеческую психику, становятся флагами движения. В качестве идеального оружия разрушения традиционного общества формируется триединая «rock-sex-drug»-модель.

- *Психоделическая революция*, снижающая диктат репрессивного разума, что

наиболее быстро достигается через массовое употребление наркотиков.

Мощнейшим фактором формирования сознания современного человека выступают электронные СМИ. Вторая половина XX века стала временем колоссального развития высоких технологий. Телевидение и интернет в настоящее время являются гегемонами в предоставлении информации.

Медиа среда кардинальным образом меняет структуру познания человеком окружающего мира. От находящихся в ней не требуется стадии обучения; не предъявляются серьезные требования к умственной деятельности. Информация в медиамире передается посредством визуальных образов, активно замещающих собой слово, текст. Принципиальная общедоступность телекультуры приводит к размыванию различительных культурных признаков, редуцированию понятий сакрального, сокровенного, скрытого от всеобщего обозрения. Формируется психологическое пространство вседозволенности и релятивизма.

«IT-революция» в не меньшей степени, чем революция сексуальная разрушает традиционные правила регуляции общественной и частной жизни, иерархическую систему знаний, приводит к обеднению форм поведения[19].

Психологические изменения в информационном обществе уже вполне очевидны и могут характеризоваться в категориях регресса и девальвации интеллектуальной и духовной сфер человеческой деятельности: затормаживается умственное развитие, деградирует политический процесс, минимизируется роль традиции, обесценивается культурное наследие. Информационный суррогат встает на место знания, узкая специализация заменяет классическое образование, при этом предельный утилитаризм цивилизации компенсируется искусственным эмоциональным разогревом и дешевым мистицизмом, граничащим с китчем.

Былые рационализм и культ позитивного знания Нового времени замещаются деинтеллектуализацией и деморализацией времени Новейшего. На смену «тоталитарных крайностей массовых воодушевле-

ний»[20], трудового героизма и культивируемой общественной истерии приходит состояние духовной анемии, приглушения в человеке творческой энергии.

А чтобы формирующийся вакуум не воспринимался столь болезненно, его заполняют посредством СМИ суррогатами воодушевления – азартом индустрии развлечений, захватывающей безграничностью виртуальных миров и идеологией безудержного потребления. Однако главное назначение разгула «праздника жизни» царящего на экране – скрыть нарастающую бессмыслицу бытия и не допустить возвращения человека в отрезвляющую реальность самосознания и самоограничения.

В соответствии с запросами нового мирового порядка реформируется и система образования. Уже в 1970-е годы крупный американский футуролог Э. Тоффлер характеризовал переживаемый период как канун *совершенно новой нравственности*, призванной учитывать «ускорение перемен» в современном мире[21].

С огромным числом людей, которых человек видит ежедневно, он вряд ли встретится еще раз в своей жизни, тем более вступит в серьезные отношения. Человек постиндустриальной эпохи призван приспособливаться к постоянно возрастающим изменениям в личной жизни, от него требуется принципиально иной, чем раньше, уровень адаптации.

Система образования и призвана обеспечить эту адаптацию, исходящую из краткосрочности и прагматичности человеческих контактов. Люди собираются вместе, чтобы решить конкретные задачи. После этого точно так же, как это бывает с мобильными спортивными площадками или площадками для игр, происходит «разборка» данных структур, в том числе и людей, которые в них входили.

Знание само по себе перестает быть ценностью. Оно все больше превращается в «скоропортящийся» продукт. Сегодняшний «факт» завтра оказывается дезинформацией. Важнейшим становится не сумма знаний, но умение ею оперировать и выбирать. Очевидно, что такой выбор (а информационная эпоха превращает его в сверхвыбор, т.е. чрезвычайно богатый выбор) нужно осуществлять на основаниях некой системы ценностей.

Однако толерантное общество не в праве навязывать молодому человеку единственную систему координат. Пережитком тоталитаризма считает Тоффлер понимание образования как формирования характера и мировоззрения, что является стремлением «заманить или загнать молодежь силой в систему ценностей стариков»[22]. Новая система образования может требовать от человека только наличия

четкого представления о собственных ценностях, при этом не имеет значения, какими они будут.

Более того, ценности необязательно должны находиться в рамках одной взаимосвязанной структуры: таких структур у каждого человека может быть несколько, и он, в зависимости от жизненных условий, должен их последовательно применять.

Очевидно, что в данной концепции целостное мировоззрение и наличие идеалов не имеет никакого значения: требуются только адаптация, стилизация, встраивание в существующую динамичную систему с целью извлечения конкретной пользы.

Тогда такие психологические практики, как нейро-лингвистическое программирование, получившее широкое распространение начиная с 1980-х годов, бесконечные управленческие тренинг-семинары, методики командообразования (team-building) в маркетинге, особенно активно используемые сетевыми компаниями, и т.д. становятся не только оправданными, но и ключевыми направлениями перестройки сознания и межличностных отношений.

В соответствии с данными требованиями должна измениться и система образования. На место устоявшихся дисциплин с сформированной «базой данных» должны прийти многочисленные краткосрочные курсы продолжительностью до трех недель.

Необходимы «вероятностные учебные планы», обучение детей оперированию проблемами, которые носят гипотетический характер. Например, занятия, моделирующие контакты с внеземными цивилизациями и порождениями генетических экспериментов, жизнь в подводных поселениях или на других планетах. Наконец, школа должна поощрять учащихся к «экспериментированию с типами семьи будущего»[23], что вполне реализовано сегодня в курсах «полового просвещения».

Такая школа, по мнению Тоффлера, выраженному еще 40 лет назад, позволит сформировать людей с яркой индивиду-

альностью, способных порождать многообразие идей, политических и социальных подсистем и т.д. Так ли это на самом деле?

В своих более поздних работах и сам Тоффлер в значительной степени утрачивает былой оптимистический задор. На наш взгляд, главным результатом описанных выше процессов, характерных для информационного общества, станет отнюдь не максимальное освобождение человеческого потенциала и невиданный расцвет каждой отдельной индивидуальности, когда ни общественные ограничения, ни моральные нормы, ни религиозные и культурные традиции уже не будут препятствовать ее полной самореализации, но беспрецедентное ниспровержение человеческой природы.

Гуманизация всех сфер человеческого бытия, призыв к которой был начертан на знаменах сокрушителей старого «мира насилия», на поверку приводит к неслыханной дегуманизации.

Цитировавшийся выше Г. Маркузе, философия которого стала формой радикального низведения человека к его биологическому уровню, откровенно утверждал, что ради полноценного возвращения в мир принципа удовольствия придется принести в жертву не только культурную и интеллектуальную жизнь, но само понятие человеческой личности. Он справедливо называет личность «одним из самых неприступных идеологических укреплений современной культуры»[24] — напомним, культуры, в основании которой лежат христианские ценности, — и призывает к разрушению понятия автономного индивидуума.

Изгнанный из сферы серьезного бытия, утративший надежные критерии разграничения добра и зла, переставший ставить себя перед лицом Вечности, раскрепостивший и безудержно эксплуатирующий свои инстинкты, вытесненный техникой из системы производства, проводящий большую часть своего времени в формировании и удовлетворении искусственно создаваемых потребностей, ищущий, прежде

всего удовольствий, — такой человек рискует сойти со сцены истории, утратив свою вселенскую неповторимость и добровольно уступив место новому, уже *постчеловеческому* миру.

Альтернативой этому гибельному пути является восстановление ключевой идеи о человеке как существе, не сводимом к одной материальной составляющей, которая получила свое предельно глубокое раскрытие в христианском учении об образе и подобии Божиим в человеке, о чем говорилось в начале статьи.

Примечания:

1 Василенко Л.И. Краткий религиозно-философский словарь. М., 2000. С. 239.

2 Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. М., 1990. С. 11.

3 Дешан Л.М. Истина или истинная система. М., 1973. С. 205.

4 Там же. С. 176.

5 Там же. С. 296.

6 Там же. С. 503.

7 Там же. С. 133.

8 Там же. С. 211.

9 Там же. С. 228-230.

10 Цит. по: Шафаревич И.Р. Две дороги — к одному обрыву. Собр. соч. в 2-х томах. М., 1994. Т.1. С. 350. В этой же статье приводится еще один любопытный фрагмент из книги А.Гастева, наглядно характеризующий культовое отношение к технике 1920-х годов: «Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом. Небо — создание праздных, лежачих, ленивых и робких людей. Ринемся вниз! Вместе с огнем, и металлом, и газом, и паром... мы зароемся в глуби, прорежем их тысячью стальных линий, мы осветим и обнажим подземные пропасти каскадами света и наполним их ревом металла. На многие годы уйдем от неба, от солнца, мерцания звезд, сольемся с землей: она в нас, и мы в ней. Мы войдем в землю тысячами, мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей! Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда... Мы погиб-

нем, мы схороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе. Землею рожденные, мы в нее возвратимся, как сказано древним; но земля преобразится; запертая со всех сторон — без входов и выходов! — она будет полна несмолкаемой бури труда; кругом закованный сталью земной шар будет котлом вселенной, и когда, в исступлении трудового порыва, земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек» (курсив наш — Д.Л.) — Там же. С. 350-351.

11 Троцкий Л.Д. Искусство революции и социалистическое искусство//Правда. 1923. 23 сентября.

12 Цит. по: Солоухин В.А. При свете дня. Собр. соч. Т. 2. М., 2006. С. 280.

13 Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 95.

14 См. Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. Собр. соч. в 2-х томах. М., 1994. Т.1. С. 326 и далее.

15 Степашин С.В. Камо грядеши, планета людей?// Литературная газета. № 32 (6287). 08.11.2010.

16 Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. С. 273.

17 Маркузе. Г. Эрос и цивилизация. М., 2003. С. 201.

18 Там же. С. 145.

19 Более подробно см. Лескин Д., прот. Медиамир и исчезновение детства. Предисловие к кн.: Дети в медиамире. Сборник статей. Тольятти, 2010. С. 4-9.

20 Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. С. 94.

21 Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008. С. 15.

22 Там же. С. 453.

23 Там же. С. 447-448.

24 Маркузе. Г. Эрос и цивилизация. М., 2003. С. 56.

Протоиерей Дмитрий Лескин

А ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ВЫ ВЛЮБИЛИСЬ?

Нет, речь дальше пойдёт не о том, праздновать или не праздновать пресловутый День влюблённых, хорошо это или нехорошо. Это о том, что делать, если этот день уже стал «вашим» по факту. Потому, что вы уже влюбились.

Романтическая влюблённость – центральный миф западной европейской культуры. Он лёг в основу сюжета большинства тех книг, фильмов и песен, на которых все мы выросли. Поэтому очень многие люди живут с убеждением, что испытать яркое, страстное, волшебное чувство – это едва ли не самое главное из того, что может и обязательно должно с ними в жизни случиться.

В православной среде бытуют две крайних точки зрения на влюблённость. Первая из них полностью поддерживает светский романтический миф о том, что сильное чувство – единственная достойная причина для брака и, если вы влюбились, то это прямо-таки обязывает к отношениям.

Например, девушка рассказывает своим церковным знакомым, что влюбилась. Очень сильно, пламенно, прямо-таки сгорают от страсти. Правда, он – предмет её страсти – в последний раз работал перед Новым годом в торговом центре Дедом Морозом, а ещё первая жена от него ушла, потому что он имел привычку напиваться и поднимать на неё руку.

Но девушка-то знает, что на самом деле он очень талантливый актёр и поэт, вот только злая жизнь так сложилась, что он до сих пор остаётся недооценённым и непризнанным.

«Да, да! Любовь – это же знак Божий в мире. Если ты его полюбила, значит, Господь послал такой крест и нужно его нести во что бы то ни стало. С креста не сходят,

с него снимают. Уже после того, как ты испустишь последний вздох», – «утешают»

знакомые, свято верящие в силу романтической любви.

Они же ещё любят рассуждать о том, что настоящая любовь исцеляет. По их мнению, влюблённость – это такая магическая штука, с которой можно прийти к падшему и помочь ему восстать.

Насчёт того, что сильная влюблённость способна физически убить, романтически настроенные знакомые здесь абсолютно правы. Если поддаться этому чувству и пойти за ним в романтические отношения с заведомо непригодным для здоровой жизни человеком, то вероятность умереть заметно повысится. Только будет это не подвиг и не крест, а самоубийство, даже не всегда медленное.

Впрочем, люди, в которых влюбиться можно, а вот вступать в брак с ними не стоит, отнюдь не всегда оказываются явными алкоголиками, бездельниками и тиранами.

Иногда бывает и так, что и сильное чувство есть, и влюблённые оба сами по себе хороши, а вот вместе им быть не надо, потому что они друг другу категорически не подходят. И так друг с другом поладить пытаются, и эдак, а всё равно не получается ничего.

Здесь важно вовремя признать, что перспективы у таких отношений нет, и найти в себе мужество поставить в этой истории точку. Но прощаться с мечтой – это всегда печально и больно, а боль не хочется испытывать прямо сейчас, поэтому любовная история превращается в нескончаемую серию попыток эту боль отсрочить. Расстаться не сегодня, а завтра. А завтра, как известно, не настает никогда, поэтому боль переживается не однажды, а изо дня в день.

Бывает и так, что вера в романтическую любовь становится причиной одино-

чества. Была девушка сильно влюблена когда-то в кого-то давно, отношения не сложились, люди расстались. Но она продолжает жить с мечтой о том, чтобы пережить такое же сильное чувство ещё раз, и

чтобы на этот раз оно обязательно завершилось свадьбой и легло в основу счастливого брака.

О каждом новом знакомом мужчине она отзывается примерно так: «Ну, он, конечно, хороший человек, приятный, интересный... Но у меня по отношению к нему нет и доли той страсти, которая была десять лет назад к алтарнику Тихону! Тогда всё вокруг горело и взрывало, молнии рассекали небосвод от края до края... А сейчас всё тихо, тускло. Не горит, не взрывается, не рассекает».

В итоге череда милых и благополучных людей, с которыми можно было бы создать здоровую семью, проходит мимо. А девушка всё ждёт «молнию», которая вообще не про брак и семью, а про что на самом деле – о том речь пойдёт дальше.

Иногда причиной одиночества становится страстная любовь к кому-то запрет-

ному. Например, девушка тайно и всепоглощающе влюблена в мужчину женатого.

Если в систему её ценностей не входят христианские заповеди, то она с лёгким сердцем становится его любовницей и часто застревает в этой позиции надолго. Если она считает прелюбодеяние грехом, то здесь случается тяжелейший конфликт со сложной драматургией: я и его люблю, и грех совершать не хочу, и на других мужчин тоже смотреть не могу, потому что он в сердце, и как же быть?

Если девушка верующая, то она часто начинает, с одной стороны, считать себя из-за своей тайной сердечной привязанности очень порочной, недостойной счастливой и взаимной любви с другим, а, с другой, ждёт, когда придёт такое же сильное

чувство, но уже к свободному, не запретному человеку.

В этом изнурительном конфликте можно потерять годы времени и мегатонны энергии, которая могла бы быть использована в мирных целях. Выход из него – просто перестать считать «африканскую страсть» неизменным условием для того, чтобы быть с кем-то вместе и быть счастливой.

Другая распространённая в православной среде крайность – считать любую романтическую влюблённость тяжёлым грехом, «блудной страстью», стараться грубо её подавлять и себя за неё наказывать.

Люди, придерживающиеся такой точки зрения, верят, что здоровые и крепкие браки заключаются только по сватовству и по благословию, а если к кому-то вдруг начинаешь без благословения испытывать сильное чувство, то от этого человека и от своей в него влюблённости нужно немедленно бежать.

Дело в том, что влюблённость – она как бабочка, вольная и непредсказуемая. Бабочка выбирает, на какой объект присесть, исключительно по своей воле. Посидит пять минут, замашет лёгкими крыльшками и полетит дальше.

Так же и с чувством – мы не можем контролировать его разумом и силой воли и не в ответе за то, что к кому-то то или иное чувство испытываем. Но мы вполне в состоянии отвечать за решения и поступки, к которым это чувство может привести.

Сильная влюблённость – это своего рода аванс, «конвертик с деньгами». Получив его, мы можем использовать этот «стартовый капитал» в самых разных целях. Если чувство взаимно, а вызывающий его человек свободен, способен к диалогу и с ним вместе получается, то почему бы и не пожениться?

Правда, семейные психологи предупреждают, что сильное чувство живёт в среднем три-четыре года, а дальше надо учиться уже как-то самим, без первоначальных розовых очков и иллюзий. Но три

года поддержки, пусть даже «в кредит» – это ведь тоже не так уж мало, правда?

Как же быть, если влюблённость-бабочка присела на плечо запретного предмета страсти – человека женатого, возможно, даже священника или монаха? Или пусть даже и свободного, но не отвечающего взаимностью или просто неподходящего?

Во-первых, не начинать казнить и есть себя поедом уже просто за то, что вы это почувствовали. В Евангелии сказано, что тот, кто смотрел на женщину с вождением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своём.

Но смотреть – это глагол, это уже действие, которое требует определённых усилий. Останавливаться на ней взглядом, «есть глазами», как принято говорить. Грех, безнравственный поступок – это когда следствием чувства становится действие. А само по себе чувство не делает вас ни дурным, ни падшим, если вы не начинаете этой страстью наслаждаться, её культивировать.

Во-вторых, не нужно бросаться в своё чувство, как в омут: «Эх, пропадай моя чершня, была-не была!» Люди, которые верят в то, что сильное чувство – это такой сметающий всё на своём пути бурный горный поток, которому противостоять бесполезно и невозможно, влюбившись, часто начинают беспощадно рушить свою жизнь под действием страсти. Они немедленно бегут разводиться, если сами женаты, или «разводить» объект своей любви, если в браке состоит он.

Постойте, не делайте всего этого. Не крадите его у жены, не увольняетесь с работы, чтобы вместе бежать дауншифтерами в тропики. Потом может стать очень жаль.

Любая влюблённость, пусть даже безответная или запретная – это очень большой, бесценный подарок от жизни. Только обращаться с ним нужно правильно. Если вы сильно влюбились, то это знак, что есть у вас какая-то очень важная часть, которую вы сами от себя прячете, не развивае-

те. Есть какой-то витамин, которого жаждет ваша личность, прямо-таки без него умирает, а вы себе этого витамина не даёте.

Иногда бывает так: женатый мужчина влюбляется в другую женщину и говорит жене: «Дорогая, а давай, во избежание прелюбодеяния, ты теперь станешь такой, как любезная моему сердцу Маша. Маша культурная, а ты за последние лет десять так и не прочитала ни одной умной книги. Маша бегает каждое утро и сверкает на весь район стройной спортивной фигурой, а ты сидишь перед телевизором в кресле с горкой сырников со сметаной. Я так больше не могу. Или меняйся, или я пошёл».

В этой ситуации попытаться «стать Машей» для жены было бы очень большим унижением. А правильным выходом для увлечёвшегося на стороне мужа было бы не пытаться вылепить из жены некий прекрасный идеал из его снов, а понять, что сильное чувство к Маше – это не сигнал о том, что пора гнать жену в библиотеку и на стадион, а о том, что ему самому очень сильно не хватает культурного развития и физического совершенства.

Его голод – на самом деле не по конкретной женщине, а по культуре и спорту как таковым. Если заняться этим самому, то никакая посторонняя Маша не будет нужна.

Нередко бывает так, что мужчины-аскеты, которым свойственно даже скорее не ревностное подвижничество и постничество, а несколько «манихейское» презрение к быту, страстно влюбляются в очень заботливых, тёплых, хозяйственных женщин.

Проблема в том, что возлюбленные ими женщины становятся такими уютными и хозяйственными уже после того, как благополучно выйдут замуж и родят нескольких детей.

Получается такая странная «семья»: муж, жена, дети и одинокий дяденька-холостяк, друг семьи в потёртом свитере и дырявых носках, днюющий и ночующий где-нибудь поближе к тёплым ароматным

семейным кастрюлям. Хорошим выходом для него было бы осознать, что в виде влюблённости в тёплую и заботливую мать семейства проявляется его потребность в заботе о себе.

Взрослый человек не может найти себе мать в лице другого взрослого человека. Если вы уже вышли из младенческого возраста, то оказать себе любовь можно, только научившись быть для себя родной матерью самому. Взять и сварить себе полноценный борщ вместо привычного холостяцкого «бомж-пакета», например.

Вы влюблены? Посмотрите на того, кто вызвал в вас такое сильное чувство. Скорее всего, перед глазами у вас предстанет даже не реальный человек, а некий идеальный образ, который вы на реального человека примеряете, проецируете, как на удобный белый экран.

Рассмотрите этот образ. Что он символизирует, чего именно не хватает вам так сильно, что этот человек вдруг стал необходим, как кислород? Попробуйте представить себе, что вы – это он или она. Если бы вы были им, то что бы сделали, куда пошли, чем захотели заняться? Может быть, это можно разрешить себе прямо сейчас, а столь желанный «он» для этого совсем не обязателен?

Ольга Гуманова

ВЯЧЕСЛАВ КОЗЫРЕВ
ЕДИНСТВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ

Злые колдуны хотят заполучить спрятанный на сказочном острове Буяне исполняющий желания волшебный камень Алатырь. Для этого они похищают девочку Настю, у которой есть ключ от пещеры, в которой хранится камень. Её школьный друг Никита отправляется на поиски Насти. Пережив опасные приключения, с помощью кота Тимофея, Бабы-Яги, Морского Царя, Змея Горыныча и Огненной змеи Гарафены Никита освобождает Настю и спасает Алатырь от злодеев. Детское фэнтези.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/vyacheslav-kozyrev/edinstvennoe-jelanie/paperback/product-21904364.html>

ЕВГЕНИЙ КУЗЬМИН
БЕРЕГА СТИКСА АЗАЗЕЛОВКА
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Данная книга – собрание под одной обложкой публиковавшихся в периодике разных стран рассказов Евгения Кузьмина.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/evgeniy-kuzmin/berega-stiksa/paperback/product-21872162.html>

ВСЕ КНИГИ ТАКЖЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ЧЕРЕЗ ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Altaspera Publishing & Literary

Agency Inc. 1415 Limberlost Road, Huntsville, Ontario, P1H 2J6

Бесплатная линия: 1-888-533-43-23 Phone. (705) 635-3857 Mob. (289) 221-2296

Fax. (705) 806-3970 email: altaspera@gmail.com

ВЛАДИМИР ОНОПРИЕНКО
ДЕКЛАРАЦИЯ ЖИВОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Есть общепринятое мнение, что исследования искусственного интеллекта прогрессируют постепенно, но их влияние на общество будет увеличиваться. В связи с этим сотни ведущих ученых и предпринимателей мира призывают нас вновь обратиться внимание на безопасность и этику, связанные с этой сферой, чтобы предотвратить всякую угрозу для общества и его сердцу – живому интеллекту.

Конечно, Декларация живого интеллекта - это всего лишь абстракция, но нужная. Она ориентирует мыслящих людей на праведные помыслы, созидательный живой труд, направляет творческую деятельность людей к смыслу жизни.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/vladimir-onoprienko/deklaratziya-jivogo-intellekta/paperback/product-22038770.html>

АЛЕКСЕЙ КАВОКИН
АДМИРАЛ ВИЛЛЬНЕВ

Английские сказки. В этой книге Кот Саладин и его домочадцы расследуют тайну гибели адмирала Вилльнева, командовавшего франко-испанским флотом при Трафальгаре. Апрельским утром 1806 года адмирала нашли в гостиничном номере в Ренне с шестью ножевыми ранами в груди. Следствие пришло к парадоксальному выводу: самоубийство!

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/alexey-kavokin/admiral-villnev-angliyskie-skazki/paperback/product-21984673.html>

ВСЕ КНИГИ ТАКЖЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ЧЕРЕЗ ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Altaspera Publishing & Literary

Agency Inc. 1415 Limberlost Road, Huntsville, Ontario, P1H 2J6

Бесплатная линия: 1-888-533-43-23 Phone. (705) 635-3857 Mob. (289) 221-2296

Fax. (705) 806-3970 email: altaspera@gmail.com

ЮРИЙ БЫКОВ
ИМПЕРАТИВ

Повести и рассказы Толковый словарь объясняет понятие «императив» как «безусловное требование (книжн.), а так же как повелительное наклонение (грам.)». Оба определения, по сути, схожи. Все мы живем в подчинении императивам. Один из них, который великий философ Эммануил Кант называл категорическим, побуждает нас совершать благородные поступки, другой – гипотетический – действовать сообразно нашим эгоистическим устремлениям. Какой из императивов более довлеет над каждым из нас?

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/yuriy-bykov/imperativ/paperback/product-21977218.html>

ОЛЕГ НЕЙВА
ОСТАВЬ ВСЯКУЮ НАДЕЖДУ
(психоделия)

Я решил написать эту историю для того, чтобы попытаться провести аналогию с известным периодом нашей ушедшей соц-действительности и показать скрытый смысл за внешней видимостью сего безвозвратного мрака, столь насытившего собою эти страницы, что и более безысходного, на мой взгляд, ничего нет, или, по крайней мере, не должно быть. Уж того я хочу.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/oleg-neyva/ostav-vsyakuyu-nadejdu/paperback/product-21993193.html>

ВСЕ КНИГИ ТАКЖЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ЧЕРЕЗ ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Altaspera Publishing & Literary

Agency Inc. 1415 Limberlost Road, Huntsville, Ontario, P1H 2J6

Бесплатная линия: 1-888-533-43-23 Phone. (705) 635-3857 Mob. (289) 221-2296

Fax. (705) 806-3970 email: altaspera@gmail.com

МАРИНА БАЛУЕВА
И ВРЕМЕНИ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ...

Книга адресована читателю вдумчивому, любящему чтение неторопливое, с серьезным отношением к языку и смыслу. Читателю, возлагающему надежду на человека или ищущему опоры в высших силах. И даже тому, кто отчаивается, ставя мучительные и неразрешимые вопросы. Автор не хочет давать никаких рецептов. Просто делится теплом и надеждой

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/marina-balueva/i-vremeni-bolshe-ne-budet/paperback/product-21990952.html>

ОЛЕГ КРИЧЕВСКИЙ
ПРОСТОРЫ ВРЕМЕНИ

Это вторая книга автора. В ней представлены самые разные стороны его творчества от философских размышлений и песен до стихов для детей.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/oleg-krichevskiy/prostory-vremeni/paperback/product-21995834.html>

ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВ
**КАК НАМ СЛЕДОВАЛО БЫ ПИСАТЬ,
ЧИТАТЬ, БЕГАТЬ, ЛЮБИТЬ
И УМИРАТЬ И ПОЧЕМУ**

Интересные размышления от талантливого автора.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/gennadiy-mikhailov/kak-nam-sledovalo-by-pisat-chitat-begat-lyubit-i-umirat-i-pochemu/paperback/product-21979199.html>

АЛЕКСЕЙ ТАТАРНИКОВ СОЛОВЕЙ В МОЖЖЕВЕЛЬНИКЕ

Родившись в 50х годах прошлого века автор принадлежит к первому поколению советских людей не знавших голода – послевоенного, военного, 30х, 20х годов. Сытому поколению. Выросшие в тепличных условиях позднего социализма люди этого поколения были идеалистичны, наивны, готовы бороться за жизнь еще более справедливую и прекрасную. И как-то нечаянно разрушили собственное государство. Но стихи, конечно, не только об этом и не столько об этом. В книгу включены три маленьких стихотворных сборника и поэма, написанные в период с 1990 по 2014 год.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/aleksey-tatarnikov/solovey-v-mojjvelnike/paperback/product-21931255.html>

СВЕТЛАНА КУЧАВА ОПЕРАЦИЯ ДУШИ

Современная проза - сборник рассказов и повесть

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/svetlana-kuchava/operaciya-dushi/paperback/product-21999088.html>

АЙРИСЛЭНД ПРОБЕГАЯ ПО ЛЕЗВИЮ ПАМЯТИ

Лирические размышления от талантливого автора.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/ayrislend/probegaya-po-lezviyu-pamyati/paperback/product-22008994.html>

ЛЮДМИЛА КУРМЫШЕВА
ИСКРЫ РОС

В книгу вошли стихи разных лет. Объединяет их одно : ни капли фальши - всё пережито, прочувствовано, передумано. Не допускаю в свои стихи неискренность, гордыню, пессимистическое настроение. Жизнь – великий дар Бога, я не устаю радоваться этому Дару.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:
<http://www.lulu.com/shop/ludmila-kurysheva/iskryros/paperback/product-22007902.html>

ЛЕОНИД КОРОГОДСКИЙ
ТЕАТР «СОЦИОН»

Фантастические поиски счастья заряжают им читателей, зрителей, актеров необычайного театра.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:
<http://www.lulu.com/shop/leonid-korogodskiy/teatr-sotzion/paperback/product-21988684.html>

АЛЕКСАНДР КОЛПОВ
ПРОДАВАЛАСЬ ДУША...

Сборник стихотворений написанных в разные годы

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:
<http://www.lulu.com/shop/alexandr-kolpov/prodavalas-dusha/paperback/product-22011043.html>

АБИР ИГАМБЕРДИЕВ ДЕРЕВО ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Эта книга – сборник миниатюр (коротких рассказов и мини-пьес), написанных в 1978-1984 годах. На примере отдельных человеческих существований, зачастую лишенных очевидно-го смысла и даже абсурдных, автор поднимает вечные вопросы о жизни, бытии, времени и бессмертии.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/abir-igamberdiev/derevo-puteshestvennikov-i-drugiye-istorii/paperback/product-22020745.html>

ГЕОРГИЙ КАЮРОВ ПОЛЫНЬ – ТРАВА СОРНАЯ

В настоящем сборнике представлены произведения писателя-современника. В писателе Георгии Каюрове писательское дарование сплывилось со сложной, интересной человеческой судьбой, а такой сплав – всегда признак недюжинного таланта и гарантия успеха, ибо без богатой биографии не может состояться большой писатель. У него сложился собственный стиль, в котором ощущается сильный пульс современности и по которому его узнают читатели.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/georgiy-kayurov/polyn-trava-sornaya/paperback/product-22004244.html>

ЛЕВАКО ВТОРАЯ НОЧЬ

Лирический сборник от талантливого автора.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/levako-levako/vtoraya-noch/paperback/product-22020087.html>

ЯКОВ МАЙЗЕЛЬ ОХОТА НА БЫКА

Интересное произведение от талантливого автора.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:
<http://www.lulu.com/shop/yakov-mayzel/okhota-na-byka/paperback/product-21995938.html>

МИХАИЛ САДОВСКИЙ БИОГРАФИЯ

Книга Михаил Садовского названа "Биография" - это биография не одного человека и даже не поколения, это биография времени, в которое жил автор

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:
<http://www.lulu.com/shop/mikhail-sadovskiy/biografiya/paperback/product-22037085.html>

АННА ЛЕВИНА ЗНАЙ НАШИХ!

Повесть и рассказы от талантливого автора.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:
<http://www.lulu.com/shop/anna-levina/znay-nashikh/paperback/product-22034553.html>

А. А. КУДРЯШОВ
ШОКОЛАДНОЕ СЕРДЦЕ

Стихи для Климки Стихи для подростков 10-14 лет-впрочем, написанные так, чтобы повзрослевшему подростку было интересно и забавно перечитать их и в любом другом возрасте.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:
<http://www.lulu.com/shop/alexandr-kudryashov/shokoladnoe-serdtze/paperback/product-21945343.html>

ТАТЬЯНА ХЕМКЕН (ТРУНОВА)
ГДЕ ПРЯЧУТСЯ ЧУДЕСА

В далеком звездном небе живёт одна планета, славившаяся красотой своих цветов, оберегаемых сказочным садовником – Волшебным Грибом. Огромнейшим светящимся облаком, похожим на купол гиганта-парашюта проплывает Волшебный Гриб вокруг цветочной планеты, глядя сверху на поляны и следя, чтобы с цветами всё было в порядке.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:
<http://www.lulu.com/shop/tatyana-hemken-trunova/gde-pryachutsya-chudesas/paperback/product-22021396.html>

ВСЕ КНИГИ ТАКЖЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ЧЕРЕЗ ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Altaspera Publishing & Literary

Agency Inc. 1415 Limberlost Road, Huntsville, Ontario, P1H 2J6

Бесплатная линия: 1-888-533-43-23 Phone. (705) 635-3857 Mob. (289) 221-2296

Fax. (705) 806-3970 email: altaspera@gmail.com

АНТОНИЯ ИЛЬИНСКАЯ ИЗ ОДНОГО ИСТОЧНИКА

Многогранный кристалл души, способный отразить свет истины под углом духовно-душевных чувствований и донести его до читателя через пережитый эмоциональный опыт в контакте с природой или с обстоятельствами жизни – это и есть поэтический автограф автора этой книги.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/antoniya-ilyinskaya/iz-odnogo-istochnika/paperback/product-22031363.html>

АНТОНИЯ ИЛЬИНСКАЯ ХРАМ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

По мнению автора основное назначение искусства – научить любить. И образными картинками книга «Храм Живой Природы» ведёт к Мироощущению, Мировосприятию и Миропониманию всего окружающего и себя как Храма Живой Природы, где мы очищаемся и причащаемся к святыне Любви.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/antoniya-ilyinskaya/chram-jivoy-prirody/paperback/product-22031365.html>

АНТОНИЯ ИЛЬИНСКАЯ БАСНИ. ПРИТЧИ.СКАЗКИ

Мы все делаем вклады в кладези наших ценностей, к которым мы примеряем свой ум и сердце, формируя сознание, и которыми мы исцеляемся и обновляемся, излечивая душу. Пииты помогают нам в этом из поколения в поколение.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/antoniya-ilyinskaya/basni-pritchi-skazki/paperback/product-22031367.html>

АНТОНИЯ ИЛЬИНСКАЯ ПО ОГНЕННОЙ РЕКЕ ЛЮБВИ

Любовный аромат этого сборника притягателен, чист и возвышен. Лирика покоряет искренностью и открытостью чувств, богатое воображение соединяет чувственные грани эротики, а смелость в выражении чувственной сферы покоряет сердце.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/antoniya-ilyinskaya/po-ognennoj-reke-ljubvi/paperback/product-22031369.html>

АНТОНИЯ ИЛЬИНСКАЯ СОНЕТЫ.РОМАНСЫ

Книга сонетов и романсов Антонии открывает новую страничку в истории этого жанра. Её сонет, как любовный, так и духовный, подверженный веянию современных земных и космических дуновений, несёт глубокую мысль, умиротворяющую мудрость, волнующий аромат любви.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/antoniya-ilyinskaya/sonety-romansy/paperback/product-22031370.html>

АНТОНИЯ ИЛЬИНСКАЯ В СРЕДОТОЧЬЕ СЕРДЦА

Многогранный кристалл души, способный отразить свет истины под углом духовно-душевных чувствований и донести его до читателя через пережитый эмоциональный опыт в контакте с природой или с обстоятельствами жизни – это и есть поэтический автограф автора этой книги.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/antoniya-ilyinskaya/v-sredotochi-serdca/paperback/product-22040238.html>

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Юрий - русский иммигрант - живёт в Канаде. Однажды, во время путешествия по Израилю, он входит в пререкания с местным цыганом, который насылает на него заклятие. Специальная команда демонов пытается воспользоваться удобным случаем и провести Юрия через открывшийся портал в их реальность. Ситуация ещё больше усложняется, когда одна из офицеров спец-подразделения - прекрасная демоница влюбляется в него.

КНИГУ МОЖНО КУПИТЬ В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.lulu.com/shop/yuri-kuznetsoff/neobychainoye-puteshestvie/paperback/product-21995199.html>

SECRETS OF THE WATER: EXTRAORDINARY JOURNEY

Эта книга - билингва. Она написана на двух языках, русском и английском. Герой "Необычайного путешествия" Юрий — русский иммигрант — живёт в Канаде. Однажды, во время путешествия по Израилю, он входит в пререкания с местным цыганом, который насылает на него заклятие. Специальная команда демонов пытается воспользоваться удобным случаем и провести Юрия через открывшийся портал в их реальность. Ситуация ещё больше усложняется, когда одна из офицеров спец- подразделения — прекрасная демоница — влюбляется в него.

ВСЕ КНИГИ ТАКЖЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ЧЕРЕЗ ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Altaspera Publishing & Literary

Agency Inc. 1415 Limberlost Road, Huntsville, Ontario, P1H 2J6

Бесплатная линия: 1-888-533-43-23 Phone. (705) 635-3857 Mob. (289) 221-2296

Fax. (705) 806-3970 email: altaspera@gmail.com

ПРАЗДНОВАНИЕ МАСЛЕНИЦЫ И ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Программа включает концерт
пианиста-виртуоза Олега Самохина

S. Rachmaninoff
Études-tableaux, op. 39
No. 2 in A Minor
No. 5 in E-Flat Minor
No. 6 in A Minor

Preludes

1. Op.3 Prelude in C-sharp minor
2. Op. 23 Prelude No. 1 in F-sharp minor (Largo)
3. Op. 23 Prelude No. 2 in B-flat major (Maestoso)
4. Op. 23 Prelude No. 3 in D minor (Tempo di minuetto)
5. Op. 23 Prelude No. 4 in D major (Andante cantabile)
6. Op. 23 Prelude No. 5 in G minor (Alla marcia)
7. Op. 23 Prelude No. 6 in E-flat major (Andante)
8. Op. 23 Prelude No. 7 in C minor (Allegro)

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГ АВТОРОВ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЬТАСПЕРА»

- **ВЛАДИМИР НЕСС**
- **ИРИНА КРУЖКОВА**
- **АНТОНИЯ ИЛЬИНСКАЯ**

**МЕРОПРИЯТИЕ СОСТОИТСЯ 21 ФЕВРАЛЯ 2015 г.
В 5 ЧАСОВ ВЕЧЕРА В ЗАЛЕ ЦЕРКВИ СЯГОГО САВВЫ
ПО АДРЕСУ 203 RIVER STREET Toronto, Ontario M5A3P9**

(на углу River Street и Gerrard Street East)
Major Intersection: Dundas and Bayview

При церкви удобная бесплатная парковка.

<http://saintsavatoronto.wordpress.com>

**ВХОД И УГОЩЕНИЕ БЛИНАМИ БЕСПЛАТНО!
(ПОЖЕРТВОВАНИЯ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ)**

**ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ЗВОНИТЕ ПО БЕСПЛАТНОЙ ЛИНИИ: (888) 533-4323
ИЛИ ПИШИТЕ НА АДРЕС altaspera@gmail.com**

СОВЕРШИТЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО В ПРЕОБРАЖЕНСКУЮ МИССИЮ В ХАНТСВИЛЛЕ, ОНТАРИО

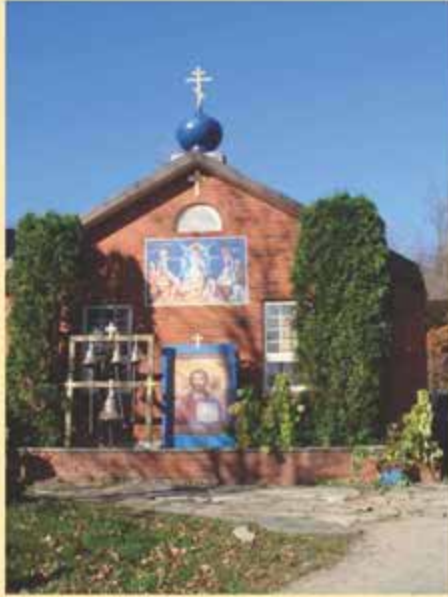
И ПРИЛОЖИТЕСЬ К КАМНЯМ, ПРИВЕЗЕННЫМ СО СВЯТОЙ ГОРЫ ФАВОР, ГДЕ СВЕРШИЛОСЬ ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА!

**ПИТАНИЕ И ПРОЖИВАНИЕ —
БЕСПЛАТНО!**

Одно из самых красивых мест провинции Онтарио это несомненно Маскока (Muskoка) — район где находится около 1600 озёр, что и делает его одним из наиболее привлекательных мест отдыха во все времена года.

о. Борис Кригер

ПРИ ЦЕРКВИ ИМЕЮТСЯ УЮТНЫЕ ГОСТЕВЫЕ КОМНАТЫ.

В СВОБОДНОЕ ОТ МОЛИТВЫ ВРЕМЯ:
ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ, ПРОГУЛКИ ПО ЛЕСУ,
РЫБАЛКА, РУССКАЯ БАНЯ.

**HOLY TRANSFIGURATION
ORTHODOX CHAPEL
1415 LIMBERLOST ROAD,
HUNTSVILLE,
ONTARIO, P1H 2J6**

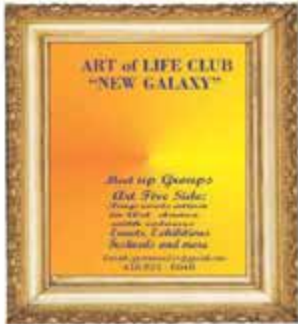
**КАК ДОЕХАТЬ — введите адрес
в <http://maps.google.com/>**

**БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ
ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ В 11 УТРА.**

ПРИНИМАЮТСЯ ПОСИЛЬНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА ЦЕРКОВЬ И ПРИЕМ ПАЛОМНИКОВ.

ПРЕДУПРЕДИТЕ О ВАШЕМ ПРИЕЗДЕ ПО ТЕЛЕФОНУ

(289) 221-2296

**CANADIAN RUSSIAN
INFO-BUREAU
LEGAL and SOCIAL
SERVICE**

Регистрация Бизнесов
Подготовка документов
Оформление пенсий
SIN WELFARE OHIP
Субсидированное жилье
Сопровождение и переводы

416. 573-5617

**ПОКУПАЙТЕ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
ALTA
SPERA**

WWW.ALTASPERA.COM

TOLL FREE (888) 533-4323

MOB. (289) 221-2296

FAX. (705) 806-3970

ALTASPERA@GMAIL.COM

ALTA SPERA
Publishing & Literary Agency

ALTA SPERA

**ХОТИТЕ
БЕСПЛАТНО
ИЗДАТЬ
СВОЮ КНИГУ**

ТЕПЕРЬ ЭТО ВОЗМОЖНО

ЗА СЧЕТ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА!
БОЛЕЕ ТОГО, МЫ ВЫПЛАТИМ ВАМ ПРОЦЕНТ
ОТ ВЫРУЧКИ ЗА ПРОДАННЫЕ КНИГИ!
ОБРАЩАЙТЕСЬ
ПО ТЕЛ. (416) 855-6040 или altaspera@gmail.com

